

Валерий Цуркан

БАЖЕН

12+

Валерий Цуркан Бажен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43683698

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-97916-1

Аннотация

Незадолго до монгольского нашествия на Русь Бажен, оставшийся без родителей, попадает к волхву Перуна. Старый Булат обучает его своему искусству и открывает для него отраженный мир. Впоследствии это поможет подростку выжить и начать борьбу против захватчиков в обоих мирах.

Содержание

1 часть. Стрелы Перуна	4
1	4
2	17
3	30
4	43
5	59
6	72
7	81
8	89
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Валерий Цуркан

Бажен

1 часть. Стрелы Перуна

1

Деревня Полянка находилась на опушке леса. Была она маленькой, всего несколько небогатых дворов. На одном её конце бил незамерзающий зимой родник, рядом с ним и поставили срубы много лет назад. Старики помнили рассказы о первых сельчанах, своих прадедах, убежавших на север от боярина. Сказывали, что они поначалу прятались в лесах, а боярин долго искал беглецов, исходил со своей дружиной все окрестности, да так и не нашёл. А после они уже и обустроились на этом самом месте.

Невдалеке лежало небольшое поле, которое пахали сообща. Лошадей иногда жалели и землю часто обрабатывали сами – трое тянули борону, двое прижимали. А та скребла по земле, вгрызаясь в неё острыми сучьями, и выдирала комья глины, нанося матушке землеце неглубокие раны. Земля сопротивлялась, но каждый раз покорялась воле людей и позволяла себя засеять пшеницей.

Весной мужики были заняты пахотой, летом присматривали за полем и ходили на охоту, а под осень собирали урожай. Зимой обычно сидели по домам, но некоторые любили зимнюю охоту. Охотники уходили далеко в лес, не появлялись в деревне по несколько дней и возвращались с тушками подстреленных животных.

Бажену исполнилось тринадцать лет. Пахать ещё не заставляли (мужики справлялись сами), а в лес за грибами и ягодами посылали да на охоту с собой брали. А охотником он был знатным, многих мужиков обставлял, сказалося отцовское наследие.

Отец Бажена был лучшим охотником деревни, но однажды случилась беда – в лесу ему встретился медведь-шатун. Зверь порвал его так, что сельчане едва смогли узнать. Мать через год заболела, исхудала и померла, и остался мальчик жить один. Пожалели сироту соседи, дядька Вячко да тётка Весняна, и взяли жить к себе, и теперь он им, как родной сын.

Весна выдалась очень тёплой, летом – жарким, и старики говорили, что будет засуха и урожай наверняка погибнет. Зимовать, дескать, придётся впроголодь. Теперь вся надежда на лес. Грибы да ягоды – не хлеб, но с голоду помереть не дадут. Но сейчас и грибов не увидишь, такая жарница, а долгожданного дождя всё нет и нет. Ну, хоть ягодками разжиться. Лето давно уже в разгаре, разные ягоды поспели, сладкие и вкусные.

Ранним утром Бажен и его товарищ-погодок и названный брат Всемил взяли по большой плетёной ивовой корзине и отправились в лес по ягоды. За ними побежал младший брат Всемила Миха, но на околице от него отвязались. Бажен подарил ему одну из своих биток для игры в бабки, и вихрастый мальчишка на радостях ускакал назад хвастаться перед сверстниками.

Оба подростка были рослые и крепкие для своих лет. Бажен – рыжий, лицо в конопушках, а дружок его русый, с раскосыми большими, почти коровьими глазами. Говорили, что прабабка Всемила по отцовской линии из половцев была, хотя никто этого точно не знал. Бажену приходилось верить им на слово, сам он половцев никогда не видел, не доходили они до здешних краёв.

Главное сейчас было – найти ягод побольше. Самим напороться от пуза и в деревню принести. А если косою попадётся, или белку удастся подбить, это совсем удача будет.

На белок с зайцами, конечно, не рассчитывали, но луки с собой взяли. Отец Всемила – настоящий искусник, сделал обоим отменные луки. Тетива из сухожилий звериных так и пела под руками, когда Бажен выпускал стрелу. Очень хорошие луки делал Вячко, ни у кого таких сроду не бывало. Для детей изготовил, как для взрослых, не пожалел ни времени, ни старания.

На охоту ребята, конечно, не надеялись. К этому нужно загодя готовиться. На крупного зверя деревенские охотились

чаще всего гурьбой, а потом делили мясо на всех. На мелочь обычно ходили поодиночке – не бегать же толпой за одним зайцем! Ведмед – это много мяса, на всех хватало. Однако это очень опасный зверь, особенно ежели разъярить его. Дюже злым он становился, когда его в угол загоняли. В прошлый раз насмерть задрал одного парня во время охоты. Так лапой двинул, аж волосы начисто с головы сбрил, и дух долой из тела. Очень не любил Бажен медведей после смерти отца, боялся их. Боялся и ненавидел, как своих самых страшных врагов.

...Лес начинался сразу за полем. Бажен любил лес, нравилось ему ходить по густым зарослям, искать грибы да ягоды, слушать пение птиц и вторить им игрой на свирельке.

Дорогу мог найти хоть с закрытыми глазами и среди деревьев чувствовал себя, как в родном доме. Охота не по душе стала после гибели отца, и лук носил больше на всякий случай – если уж заяц под ноги попадёт, то тут сам бог велел стрелнуть по нему. Природу мальчик любил и старался ей не вредить – отец учил, что если ты не будешь попусту убивать зверушек, то и они на тебя обиды держать не станут, а случится что, ещё и помогут. Однако батю это не спасло.

А Всемил не такой. Мать-природа побоку, леса не чувствовал вовсе и мог заблудиться в трёх соснах, да и ходил среди деревьев, как медведь, распугивая всю живность, неуклюжий увалень.

...Вошли в лес и погрузились в особую тишину, когда слышен каждый шорох. Под покровом густого леса брели дальше и дальше от опушки. Бажен знал много ягодных мест, и Семил в этом деле всегда доверялся другу. Здесь брусника, тут черника, тут земляника, – показывал юный лесовик свои уголья. Никто не знал леса, как он.

Однажды Бажен наелся перезрелых ягод и опьянел, как с медовухи. Над ним смеялась вся деревня, пьяницей называли, тыча в него пальцами. А всего-то несколько горстей проглотил зараз. Ягода была приторно-сладкая, лопалась во рту и растекалась по языку нежным ручейком. Слишком сладкая, такую хочется глотать и глотать, пока не наешься вволю. Или пока не захмелеешь, если ты ребёнок, ни разу не пробовавший пьяного мёда.

– Где ягода-то? – спросил хмурый Семил, рыская глазами по траве.

Шёл он, как боров, под ногами трещало так, будто по лесу бежала целая дружина. На охоте уже всех зайцев расшугал бы.

– Вот ты чудо-юдо! Дальше надо идти, – ответил Бажен. – Здесь нету ничего. Собрали, когда лесовали в прошлый раз. На обратной дороге и порвали всю ягоду.

– Лесова-а-ли, – передразнил его Семил. – Одну лисицу скопом поймали, от и вся лесовка. Лисовали, я бы сказал.

– Не шуми, как корова, чудо ты юдо! – прошипел Бажен. – Ходи тихо, весь лес разбудишь!

Всемир замолчал, стараясь идти потише, но ветки под ногами так же громко трещали – был он неуклюжим и неповоротливым.

– Корова! – улыбнулся Бажен. – Чисто корова!

– Сам ты корова! – обиделся Всемир. – Очень даже тихо иду. А что ветки сухие под ногами трещат, – я же при чём?

– У меня тоже сушняк под ногами, а я иду незаметно, – заметил Бажен. – Лес не любит когда шумно, тишину любит. Перестань трещать и услышишь, как лес говорит.

Всемир замер на месте и стал прислушиваться. Где-то чиркали птицы, долбил дятел, шуршала листва.

– И ничего он не говорит, чего ты вираешься? Птицы это... И еще кто-то шебуршит позади нас.

– Это ёж шуршит. Он и птицы – это и есть лес. Мне батька давно ещё говорил. Слухать заставлял. И ты учись или так и будешь глухой... Слышишь, иволга запела? Прямо как свирель! Ляпота-то какая!

Пение иволги было похоже на игру свирели, птица то щебетала, то свистела тонким голоском, будто подражая свирельщику. Хотя... кто ещё кому подражает!

Бажен достал из сумы свою дудочку и стал играть, словно насмехаясь над птицей.

– Ну, птичка, ну свистит, – нарочито грубо сказал Всемир. – Что ж тут такого? Пошли уже за ягодами! Показывай. Нам ещё поесть успеть, да собрать два лукоха полных. Неча здесь птиц слушать. Убирай свою дудку!

– Экий ты злой, Всемир! Лес любит, когда к нему с добром приходят! – Бажен убрал свирель. – Тогда он с тобой сам поделится своими ягодками. Вот попробуй в гости приди к кому да начни шуметь и ругаться. Думаешь, мёдом угостят? По шее дадут да долой из избы!

– Я – как все. А вот ты иногда дуришь начинаешь. Подумаешь, лес! Мне батя говорил – ты, мол, в своего папку. Всё о птичках да о свирельках.

– Ладно, пойдём, ягоды покажу! – перебил Всемира Бажен. – Вот дую я, дую, а с лесом дружу. А ты здесь пропадёшь. Покрутись на месте и дорогу домой забудешь.

– И ничего не пропаду.

– А вот с какой стороны избы наши стоят?

– Избы? – Всемир оглянулся и ткнул пальцем за спину. – Там!

– А вот не там, чудо ты юдо! – торжествующе сказал Бажен и показал рукой в бок. – Оттуда мы идём. Без меня заплутал бы. Так кто из нас дуриет, я или ты?

Всемир засопел и промолчал.

Они забрались далеко в лес. Дальше начался бурелом – здесь не то что на лошади, тут и пешком идти тяжело. В основном бору бродить одно удовольствие – сосенки стройные и ровные. А в дубняке или в осиннике не продерёшься. Трава чуть не по пояс, а подлесок настолько густой, что иногда при-

ходилось подолгу обходить, чтобы пробраться вперёд. Кустарник цеплялся за луки, что висели за спинами, и за портки, норовя порвать грубую ткань, а коренья деревьев сдёргивали лапти с ног. Пару раз приходилось останавливаться и поправлять обувь.

– Как ты ходишь здесь? – спросил Всемир, когда ветка хлестнула по щеке и расцарапала в кровь. – Мне уже и ягоды на фиг не нужны. Пошли домой!

– Потерпи, увалень, скоро и ягоды будут, – сказал Бажень и обернулся через плечо, как бы намекая: «это, мол, ещё цветочки».

– Да на што мне твои ягоды, ежели рожа вся в крови. С тобой, как ни пойдёшь куда, ты чистый и белый, а я как в говне измазанный.

– Осторожно ходи, и будет счастье тебе, – улыбнулся Бажень, и веснушки засветились от улыбки.

Через некоторое время, когда сквозь густые ветви уже почти не пробивалось солнце, Бажень сказал:

– Вот поляна моя, никому не показывал. Ты первый будешь! Ягод тут – как звёзд на небе! Ешь-лопай в две хари, а всё не съешь!

Деревья расступились, и ребята вышли на маленькую полянку, заросшую травой, лесными цветами и залитую ярким солнечным светом. Ушла лесная влажная прохлада, и стало теплым-тепло.

Всемир пошуршал в траве ногой и обнаружил спелые яго-

ды. Много, на всю деревню хватит. Ради этого стоило тащиться в такую даль, продираться через кустарник и бурелом, оцарапать щеку. Он заулыбался, забыв неприятности, отёр кровь с оцарапанной щеки и упал на колени, поставив рядом лукошко. И принялся набивать вкусными и сочными ягодами черники рот.

Бажен отошёл на другую сторону поляны и тоже начал собирать чернику. Много не съешь, она начинала увязать во рту, и потому лукошко наполнилось довольно быстро. Мальчик поднялся, оттирая руки о штаны, и посмотрел на товарища. Лукошко Всемила было наполовину пусто, а лицо измазано чёрным, будто в сажу извозился. Бажен засмеялся.

– Сажи нажрался, чудо-юдо невиданное!

– Фам фы фавы наввафся, фам фы фуво, фам фы юво! – пробурчал Всемиль, шамкая полным ртом, что означало «Сам ты сажи нажрался, сам ты чудо, сам ты юдо».

И тут Бажен увидел косолапого. Зверь тоже пришёл полакомиться ягодкой и, наверное, был очень недоволен, что его место занято. Он с удивлением смотрел на двух непрошенных гостей, что воровали ягоды с его делянки.

– Всемиль, не дрыгайся, спокойно... – перестав смеяться, сказал Бажен. – И не оборачивайся! Стой на месте!

– Фево фы фсе двавнифся (чего ты все дразнишься)? – ответил с обидой Всемиль, но заметил, что друг вовсе не смеётся.

Он поднялся на ноги, медленно развернулся и тоже при-

метил медведя. Тот стоял в десятке локтей, в зарослях кустарника, поэтому Бажен и не сразу заметил зверя. Мишка встал на задние лапы, медленно двинулся в сторону Всемила и зарычал.

– А-а-а-а-а-а-а-а!!! – заорал мальчик, выплюнув остатки ягоды, и бросился к другу, забыв о лукошке.

– Р-р-р-р-р-р-р-р! – вторил медведь.

Бажен рванул к лесу. Медведь был с виду неповоротливый, такой же увалень, как и Всемил, но он в два счёта догнал мальчишек, в несколько прыжков пересёк поляну. Никто не ожидал, что зверь умеет так быстро бегать. Они никогда не видели медоеда так близко.

Недолго думая, оба, как белки, взбежали на деревья – Бажен на одну осину, а Всемил на вторую. Мишка не отступил и полез вслед за Всемилом. Бажен уселся попрочнее на ветке, уперся спиной в ствол, сдёрнул с плеча лук и, выхватив стрелу из колчана, выстрелил. Стрела попала медведю в шею, но вреда не причинила. Глухо урча, медоед продолжал подниматься. Всемил перелез по толстой ветке, чтобы косолапый не достал его, и тоже взял лук. Стрелок он был неважный, но с такого расстояния грех было промахнуться. Он выстрелил и попал в голову, но мишке это как – укуса комара. Зверь продолжал подниматься, обламывая своим тучным телом мелкие ветви. Несколько раз срывался, проскальзывал по стволу вниз, сдирая кору, но цеплялся мощными когтями и снова продолжал подъем.

– Уйди, ведмед! – орал Всемил, пуская в зверя одну за одной стрелу, но тот не отставал. – Оставь меня!

Бажен стрелял молча, пару раз попал в голову, но чаще в плечи и шею. Косолапый уже был похож на ежа, из головы торчали стрелы, но он продолжал подниматься. С чего так разъярился медолюб, мальчики не знали, скорее всего, рядом находилась берлога с медвежатами.

Когда мишка уже почти добрался до Всемила, а в колчанах оставалось по одной стреле, зверь неожиданно сорвался и с треском полетел вниз. Да так и остался лежать на спине – медведь с ежиной головой. Мальчики долго не решались спускаться, но когда стало ясно, что хищник мёртв, слезли с деревьев и с опаской подошли к бурой туше. Шерсть хищника свалялась и была залита кровью, глаза полуоткрыты, с клыков капала слюна, но зверь уже не дышал. Ребятам повезло, что он упал спиной на обломок тонкого пенька, который и убил зверя, проткнув внутренности. Иначе бы долго ещё куковать на деревьях. Или и того хуже – добрался бы до них медоед.

– А я говорил, как с тобой пойду, так рожей в говно, – сказал Всемил, узковатые бабкины глаза превратились в широко распахнутые русские глазищи. – А тебе везёт всегда.

– Сходили за ягодками, – фыркнул Бажен. – Заодно и поохотились.

– Я с тобой больше – ни шагу! Стока страху натерпелся, даж охрип!

– Дурила, чудо-юдо! Нас теперь в деревне почитать будут, как знатных ловчих. Вон какого огромного зверя завалили! Но сами мы потапыча до дому не допрём, дядек звать надо. Нас с тобой теперь до самого Ростова узнают! А вдруг сам князь Василько скажет – а позвать ко мне двух этих воев, что ведмедя легко завалили! И будем мы с тобой при дворе княжеском пировать!

– Скажешь тоже, легко завалили, я чуть в портки не наложил! Пойдём назад, надо дотемна мишку домой принести.

Так и завершилась их первая совместная и нечаянная охота на медведя.

Несколько мужиков пришли на место побоища и, цокая языками, переговаривались да посмеивались.

– Слышь, да? Вот кого теперь будем брать, когда за медведем пойдем!

– А мы-то им зачем? Мы так, в помощники! Они и без нас справятся! На живца поймают!

– Мы им теперь не нужны!

– Как это не нужны? А носить ведмедей кто будет?

Мужики захохотали.

– А ягод хоть набрали?

– Набрали, – в один голос сказали ребята.

Обе корзины были истоптаны и помяты, а черника рассыпана по траве.

– Вот изверги, всю шкуру попортили! – сказал дядька Житко, здоровенный мужик с пудовыми кулачищами, разглядывая истыканную стрелами тушу Михайло Потапыча. – Весь колчан запустили?

Мальчики часто закивали головами.

– Вас бы так истыкать! – Кулаки распрямились, и дядька погладил ребят по головам. – Ну, молодцы, чё!

– А чё нам было делать, дядько? Зверюга! Сожрать нас хотел. Чудо он юдо!

– Да накой вы ему? Жрать! Подрал бы немного да и бросил. Сильно вы его чем-то разозлили. Наверное, это его ягодная поляна, а вы без спросу притащились сюда. Ладно, ребятки, взяли мишку! Понесли!

Медведя принесли в деревню, освеживали. Стрелы мальчишки выдернули и разобрали – у каждого со своими метками, не ошибёшься.

Тушу разделали, разожгли костёр, долго коптили, после чего всей деревней начали праздничать. Здесь всегда так, как удачная охота, так сразу праздник. Ох, любят русичи праздники. Пока мужики готовили медвежатину, женщины собирали застолье. Взрослым – брагу на меду, детям – брусничную воду.

Малыши бегали вокруг, прислушивались к разговорам, принюхивались к вкусным запахам. Они то и дело проскальзывали между дядьками, отщипывали по кусочку мяса и убежали. Детей прогоняли, но они снова появлялись с другой стороны, подкрадываясь, как вражеские разведчики.

Наконец приготовления завершились, и деревенские собрались праздновать удачную охоту Бажена и Всемила. Мужики с бабами выпили медовухи раз, выпили другой да третий и четвёртый и затянули долгие разговоры. Много говорили про татар, которые Ростова покамест не трогали, но пожгли южные города. Никто о них толком не знал, по слухам да пересказам судили. Из какой далёкой страны эти самые татары пришли – неведомо. Страшные – жуть! Чёрные сами, а одежды не похожи на людские, даже кони у них жут-

кие, лохматые, как собаки – одним словом, нехристи. Воины умелые, злые да свирепые – никого в живых не оставляют, всех под корень вырубают или же в полон забирают. Лет десять или более назад русичи татар разбили, а ещё раньше татары русичей били. Говорят, тогда князь Василько с дружиной пошёл на подмогу, да не дошёл, не успел, побороли наших. Сейчас было спокойно, но народ ждал, что снова сеча жестокая начнётся. Это Дядька Житко поведал, он в Ростове бывал и пересказывал тамошние беседы.

Бажен сидел и смотрел на взрослых мужиков. Нравилось ему следить, как они разговаривают, доказывают друг другу свою правоту, собравшись вокруг стола, глиняного продолговатого возвышения во дворе, на котором была разложена нехитрая мужицкая еда. Детей за стол не пускали, и наблюдать приходилось со стороны. Иногда ему казалось, что мужики куда глупей малышни, но вслух этого, конечно, не говорил. Всемир сидел рядом и рассказывал мальчишкам, как медведя завалили. Разводил руки, изображая, как стреляет из лука в голову мишки. О том, что чуть в штаны не наложил, говорить, разумеется, не стал.

Обоих позвали к столу и велели поведать, как получилось совладать со зверем.

– Не знаю, – ответил Всемир. – Стреляли, стреляли, вот и убили. А он на пенёк хрякнулся и помер.

– Испугались мы, – добавил Бажен. – Дюже сильно напугались.

– Ага, страху натерпелись, – кивнул Всемил.

– Струхнули маленько, да не растерялись, молодцы! – похвалил Вячко, бородатый мужик, с огромным мясистым носом.

– Быть вам, детки, охотниками, – добавил Житко и осторожно, но крепко пожал ребятам руки, их маленькие ладошки утонули в огромных кулачищах. – Луки есть уже, молодец, Вячко, хорошие ты луки сделал. Отличные стрелки из ребят выйдут. Выпейте с нами, мальцы.

– Батя ругаться будет, нельзя мне, – протянул Всемил и скосил глаза на Вячко.

– Малы мы ещё, пить-то, – поддакнул Бажен.

– Ничего не малы, – сказал Вячко. – Тринадцать годков, жениться скоро можете. Как медведя завалить, не малы, а браги испить малы? Пейте.

Брага оказалась вкусная, но хмель шибанул в головы, и ребята сразу окривели, посильнее, чем от пьяной перезрелой ягоды. Бажен подумал – как же тяжело взрослым, быть пьяным это так неудобно – из лука метко не стрельнуть, да и на ногах держаться не получается.

– Ну, будя, хватит. И чтоб больше не пили, ясно?

– Ясно! – в один голос сказали мальчишки и ушли на другой конец двора.

Обоих сморило сном, и они уснули в густой траве, в стороне от вытоптанной площадки.

Бажену снилось, что он скачет на коне, одетый, как витязь,

в сверкающую кольчугу, в одной руке меч, а щит надет на вторую. За спиной лук и колчан со стрелами. Мечом рубит головы врагов, кои всегда окружают Русь со всех сторон, и выкрикивает боевой клич. Враги сплошь маленькие и хилые, и разлетаются в разные стороны, как щепки. А он смеётся и рубит подряд, без разбору.

Он проснулся и прислушался к мужицкому разговору.

– А нам-то что? Чай, не нас будут бить! Нам, можа, даже лучше будет, если соседям по шеям надают. Оне и к нам не захочут полезть опосля этого, не до того им будет.

– Вот все вы так, дурачины. Сегодня соседа, а завтра за нас возьмутся! Вместе надо быть.

– Да ладно те! Мы мужики простые, нам не надобно думать об этом, на то бояре есть!

– Ха! Бояре! Тока о выгоде пекутся! А Русь кто спасать будет? Бояре? Купцы? Так они первые и продадут матушку!

– Тоже спаситель нашелся. Иди сам да и спасай бояр да купцов. Они тебе спасибо скажут, дурья голова!

– Не купцов, а землю нашу и наши семьи.

– Сиди уж! Пей!

Бажен опять уснул, но снов уже не видел, спал, как убитый. Рядом лежал Всемил, он так и не проснулся.

В синем небе высоко летал сокол, искал, чем бы поживиться. Не было ему дела до спящих человеческих детёнышей. Больше всего сокол любил свободу. Вольный ветер, упругий воздух под сильными крыльями, вот и всё, что нуж-

но для счастливой жизни. Он медленно парил над землёй, высматривая добычу. Тень от его крыла промелькнула по лицу подростка, но тот ничего не заметил.

Бажен тоже любил свою свободу, но она ограничивалась деревней, полем и лесом. Нигде больше он не бывал, даже в Ростов не отпускали, хоть и просился поехать с дядьками. Он мечтал о дальних неизведанных краях, хотел увидеть чужое небо. Любопытно ему было узнать, что там, какие люди живут, каковы обычаи. И не знал, что в скором будущем его мечты свершатся.

Когда Бажен проснулся, в голове будто стадо коров прошло. Во рту появился неприятный привкус от медовухи. «Что за гадость, – подумал он, – как её пьют?» А ведь, когда пил, вкусной казалась.

Мужики продолжали шуметь, перебивая друг друга. Женских голосов не было слышно. Раздался зычный голос дядьки Житко, он был самый трезвый из всех.

– Глядите, гости к нам пожаловали!

Бажен поднялся. Отряхнул рубаху от налипшей травы и углядел трёх всадников, едущих не спеша между дворами, оглядывая гулявших мужиков. Двое похожие, как братья (один черноволосый, а другой русый), лет двадцати, а третий – глубокий старец. Одеты не как крестьяне, в дорогие одежды, поверх них – тонкие кольчужки да плащи. Искусная работа, так шьют для богатых людей. К поясам были приторочены ножны с широкими одноручными мечами, за спинами

– луки с колчанами, полными стрел. Никак бояре пожаловали.

– Гостям мы всегда рады! – Житко пригласил приезжих к столу.

Странники спешили, привязали коней к заборам. Луки с колчанами оставили рядом с конями, ножен снимать не стали. Степенно поклонились хозяевам и вошли во двор.

– Звиняйте, что не по-барски, – сказал Житко, поднимаясь гостям навстречу.

– Мы неприхотливы, добрый человек, – ответил старик, и лицо, покрытое рубцами и морщинами, осветилось улыбкой, несвойственной столь боевому виду.

Поддержав ножны, присел на лавку и кивнул своим товарищам, чтобы размещались.

– Чем живёте, чем промышляете? – спросил он мужиков.

– Хлеб сеем, зверя бьём, а на отдых бражку пьём, тем и живём.

Гостям налили браги. Они пригубили, но много пить не стали. Молодые, похоже, жаждали выпить ещё, но старец зыркнул на них, и парни отложили чарки. Во время разговора они и не произнесли ни слова, знатный дед держал братьев в узде.

– Куда путь держите? – спросил Вячко, пытаясь пригладить свою клокастую бороду.

– Идём мы за солнцем, люди добрые, – ответил старец. – А после назад пойдём, от солнца, стало быть. Дело есть у нас

там, на закате.

– В Ростов, значит? – утвердительно спросил Житко. – Так вы волхвы, судя по виду вашему?

– Волхвы мы, верно! – ответил старик, внимательно оглядывая присутствующих. – Туда идём, в Ростов, дело там есть у нас. Знатная брага, спасибо! – добавил странник и взглядом зацепился за Бажена.

– А дождиком не подсобите нам, коли волховать умеете? Житко не Житко будет, если выгоду не найдёт. Хоть и не купец, а всюду ищет, где урвать.

– Отчего же! – Старик поставил чарку на стол, не отрывая взгляда от Бажена. – Хорошим людям и дождик хороший. Будет вам дождь!

Бажен заметил, что старик на него пристально смотрит. Волхв откинул со лба длинную седую прядь и переглянулся с одним из своих товарищей. Молодой сотоварищ вопросительно кивнул, и тогда старик подмигнул ему, открыл суму, что висела на поясе, и достал из неё камушек. Станный камень, Бажен таких никогда не видывал. Красивый, как луна ночная, он слабо светился серебром.

– Подойди ко мне, – поманил волхв. – Не бойся, не медведь, не задеру.

Бажен послушно приблизился к страннику. Тот положил камень на раскрытую старческую, но ещё сильную ладонь. Все замерли, даже балабол Житко замолчал, глядя на чудо невиданное. Камень стал ярко-синим, зелёным, а в конце и

вовсе запыливал разными цветами. Старик недолгое время смотрел на камень и перевёл взгляд на Бажена. Убрал камешек в суму, и тот ещё немного посветив сквозь ткань, затух. Старец положил руки на плечи Бажена и посмотрел в глаза. Мальчику почудилось, что он провалился в глубокий колодец. Однажды он упал в колодец и до сих пор помнил это неприятное ощущение беспомощности и страха. Но сейчас не страшно. Необычно, но не страшно. Глаза старика, обрамлённые сетью глубоких морщин, светились, как у молодого. И чудилась в них сила великая, такими глазами костры разжигать.

– Кто твой отец, отрок? – спросил волхв, и голос прозвучал тепло и добро, Бажен едва не утонул в его мягком звучании.

Мальчик промолчал. Старик убрал руки с плеч, и чуть оттолкнул, как бы разглядывая со стороны.

– Нет у него родителя, – сказал Житко. – Отца медведь в прошлом годе порвал. А мать с горя заболела да померла после. У Вячко он сейчас живёт.

– На поруки мне отдадите? – спросил старец и оправил ладонью бороду до середины груди. – Сделаю из него волхва.

Вячко фыркнул и пьяно икнул. Мясистый нос стал красным и похожим на разделанный гриб.

– А нам какой прок от этого? Ты рабочие руки у нас забрать хочешь и охотника. А он сегодня медведя вальнул пальцем. А лес знает так, что ни один человек не ведает.

Старик снова переглянулся со светловолосым своим младшим товарищем и тот опять кивнул вопросительно.

– А я заплачу вам за мальчика, – сказал волхв, приняв решение. – Да к тому же, что ему у вас? Так и помрёт вахлаком. А я знатным человеком сделаю. Перуну служить будет.

– Перуну-у-у-у? – протянул Житко. – А пошто нам Перун, ежели он Христа почитает?

Гость пожал плечами:

– Ну, смотрите сами. Силой я его забирать не буду. Ежели вы согласитесь, да сам он пожелает, тогда возьму с собой. Если надо, то вот, всей деревне хватит, – волхв положил на стол увесистый мешочек с векшами. – А если нет, то...

Не успел старик договорить, Житко сграбастал деньги корявыми и цепкими пальцами, мешок исчез в огромных ладонях.

– Берите, мальчишку, – быстро проговорил он. – Если сам не против будет. Авось, и умному научите. Вячко, ты как думаешь?

– А я что? Ежели он сам захочет уйти, так пусть и идёт! Он мне не сын, я ему не указ.

Старик посмотрел в глаза Бажену. Мальчик кивнул.

– Супротив никто не будет? – спросил странник.

– Нет, не будет, – ответил Вячко, и нос его покраснел ещё больше. – Так даже лучше будет для пацана. Да он и сам хочет, я вижу. Может, и правда, знатным человеком станет. Лишь бы нас не забывал. Будешь нас помнить, Бажен?

Бажен бросился к Вячко и обнял его, как родного отца, впервые за целый год.

– Не забудет, – улыбнулся Вячко, поглаживая мальчика по голове. – А денежки поровну поделим, без обмана. Слышал, Житко? Поровну!

Бажен понял, что такого случая судьба больше не предоставит. Он давно мечтал уйти куда-нибудь в дальние края, но не знал куда податься, а тут такой случай – ехать в Ростов с этими богатыми людьми. Настоящее путешествие, о каком он и мечтал последний год.

– Собирайся, – сказал старик.

А чего собирать? Лук да колчан со стрелами. Свирель, что по его просьбе сделал искусник Вячко. Да ещё Всемир на прощанье подарил нож в ножнах, который нашёл на краю поля год назад. Тогда рядом проходил отряд ратников, и кто-то из воинов его обронил.

Да, а ведь ещё у него остались бабки. А на что они ему теперь? Ведь детские игры закончились. Бажен подозревал Мишу. Тот подошёл и с благоговением принял дар – дюжину бабок и среди них один биток, самый лучший в деревне. С ним Бажен всегда выигрывал и считал заговорённым. Миша, радостно подпрыгивая, убежал хвастаться ребятам. Теперь он станет первым игроком среди деревенских мальчишек.

Бажен обнял друга. Как жаль, что у него ничего не осталось, что мог бы подарить Всемилу. Не свирельку же, которую сделал Вячко, тот при надобности сделает ещё.

– Спасибо, друг! – сказал Бажен. – Мы ещё свидимся, обещаю!

– Ох, не знаю, – глаза Всемила заблестели. – Далече едете. Может быть, и навсегда.

Сердце Бажена дрогнуло. А ведь прав был Всемил, возможно, они больше никогда не увидятся.

– Поехали, други! – сказал старик. – Не переживайте, добры люди, сделаем из вашего мальчонки великого человека!

Прощание длилось недолго. Дольше всех не желали отпускать Бажена Всемил и его отец с матерью, остальные уже в мыслях считали поживу. Вячко понимал, что с богатыми странниками, волхвами и воинами Бажену будет лучше – и мир посмотрит, и научится многим учёным вещам да ремёслам. А если повезёт, то и князю Васильке на глаза попадётся. А там, глядишь, и нужным человеком в княжеском дворе сделается. Авось и своих не забудет, словечко замолвит при случае.

Мать Всемила Весняна подарила Бажену оберег, маленький мешочек, в котором были зашиты всякие травы, собранные в лесу. Должно помогать в дальней дороге, сказала добрая женщина – родное разнотравье спасёт от беды, поможет в трудное время. Оберег приятно пах лесом, теперь запах родного края будет всегда рядом. Когда уже и думать забудет об отчем крае, этот запах заставит Бажена выйти в дорогу чтобы посетить родные места.

Странники подошли к своим коням и стали отвязывать

их от заборов. Старик подозвал Бажена и велел мальчику садиться перед ним. Бажен был невелик ростом и особо не мешал всаднику. Лук пришлось приторочить к седлу, чтобы не мешал волхву.

Бажен оглянулся, извернулся, едва не упав с коня, и заметил Всемила. Тот стоял у забора и смотрел вслед удаляющимся всадникам. Бажену стало грустно. Вот и свершилось то, о чём мечтал, но совсем не радостно было на душе. И уехать желалось, дальние края повидать, и покидать родные места не хотелось. Сердце разрывалось на части.

Он ещё не знал, как много в жизни будет подобных потерь. Но самые первые утраты навсегда отпечатаются в памяти. Впоследствии где бы Бажен ни находился, куда бы ни направлялся, в минуты раздумий всегда вспоминал этот миг — он сидит на коне, а вдалеке стоит друг и молча глядит вслед. Грусть переполняла Бажена в такие часы. В будущем память сгладится, многое забудется и станет восприниматься как бы со стороны. Но не последний день в родной деревне.

Они отъехали за околицу, когда послышался пьяный крик Житко:

– Эй, волхв! А дождь? Ты обещал дождь! Нехорошо честных людей обманывать!

Волхв остановил и развернул коня. Молча показал рукой на север. Далеко за лесом в небе клубилось чёрное варево. Задул холодный северный ветер, стрибожий внук, обещая быстро пригнать тучу и напоить землю дождём. Житко при

виде тёмной, клубящейся полосы, довольно крякнул и пома-
хал волхву рукой.

– Спасибо, спаситель наш! Будет нам хороший урожай!
Доброй тебе дороги! – закричал он, продолжая махать рукой.

Выехали ближе к вечеру, хотя разумнее было остаться погостить на ночь, а утром и идти.

Бажен не стал ни о чём расспрашивать, пересилив природное любопытство. Слишком уж важными показались волхв и молодые спутники, побоялся Бажен засыпать их вопросами. Будет нужно – расскажут, нет – промолчат. Хотя свербило, жгло желание узнать, зачем им Ростов, куда потом стопы направят, и как старик наволховал деревенским дождь.

Ехали молча. Волхв тяжело вздыхал за спиной Бажена и время от времени осматривался. Иногда широкая морщинистая ладонь ложилась на рукоять меча, и Бажен чувствовал, как волхв напрягался. Отпускало, и старик снова расслаблялся – до следующего раза. Наверное, татей лесных опасался. Двое спутников следовали за ним и также молчали. Изредка начинали о чём-то переговариваться, но дед цыкал, и они замолкали. Оба слушались его с полувзгляда и с полуслова.

Тропой редко пользовались, она заросла высокой травой и густым кустарником. В лесу было спокойно, пели птицы да где-то вдалеке долбил по стволу неугомонный дятел. Стук эхом разносился по округе. Бажен чувствовал себя, как в родном доме, и не понимал, отчего так напряжён старый волхв – ведь сейчас поблизости нет ни лихих людей, ни опас-

ного зверья. Мальчик всё это чувствовал, а старик – нет.

Солнце скатилось к закату, и когда начало темнеть, старец повернулся к младшим товарищам и велел спешиться.

– Здесь заночуем. Вот и полянка неплохая, можно разместиться. Собирайте дрова для костра.

По краю поляны бежал звонкий ручеёк, и место было приятным и удобным для ночлега.

Бажен соскочил с коня и размял ноги, попрыгав на одном месте. Волхв спустился не столь бодро, но для своего возраста довольно проворно. Спутники тоже слезли с коней и стали разбирать пожитки. Бажен направился к краю поляны, где стоял сухостойный дуб, весьма годный для костра. Под основанием лежало много веток, которых хватило бы, чтобы питать огонь целую ночь – самое то от волков защищаться, не любят серые огня ночного, боятся.

Пока странники раскладывались, Бажен, сделав несколько ходок, натаскал дров. Взял пустую козевку старика, что висела на боку коня, сходил до ручья. Вода была вкусная и холодная. Дополнила набирать козевку не стал, слишком уж большой оказалась для его силёнок. С трудом дотащил к месту ночёвки. К этому времени там уже весело плясали язычки пламени, лаская дубовые ветки.

Ели молча. Эти трое были неразговорчивыми. Бажен привык жить среди весёлых болтунов, каким был дядька Житко, и в молчании сидеть ему было скучно. Хотелось завести разговор, задать волхву несколько вопросов, но он боялся

нарушать тишину.

Они расселись вокруг костра и жевали холодное мясо с хлебом, запивая медовухой. К воде никто, кроме Бажена, не прикоснулся. Хлеб пах полем и пшеницей. Запах этот напоминал родной дом, и мальчик не знал, увидит ли когда-нибудь места, где он родился и вырос. Бажен старался как можно больше запомнить своё, родное, и вдыхал полной грудью эти запахи.

Взрослые, выпив, будто оттаяли и заговорили. Бажен наконец-то узнал их имена. Волхва звали Булатом. Он был под стать имени – крепкий, жилистый старик, и меч в одной руке удержит, если понадобится, – чай, не для красоты ножны носит. Спутники его звались Шемякой и Стояном. Шемяка был черноволос, как кочевник, а Стоян белесый. Они были братьями – Бажен догадался об этом ещё в деревне, уж очень похожи друг на друга, как две капли воды.

Долго разговаривали непонятно о чём. Вроде бы Бажен понимал слова, но смысла сказанного вовсе не улавливал. Будто говорили на тайном языке. Бажен с ребятами иногда любил так разговаривать – каждому слову придавался иной смысл, который понимали одни товарищи. Эту игру придумал он, и друзья подержали но, но быстро охладели. А как здорово в неё было играть: в смысл вникали лишь те, кто знал. Говоришь: «Всемир, а ты сегодня пойдёшь за ягодами?», а подразумеваешь: «Будешь ли ты сегодня со мной рыбачить?» И наоборот – «рыбачить» означало «сходить за

годами». А «пойдём за яблоками» на тайном языке значило «поиграть в бабки». Но товарищам такие игры быстро разонравились – слишком уж мудрёно, размышлять много надо, и пока вспомнишь значение каждого слова, уже и забудешь, о чём хотел сказать. Так они и забросили свой тайный язык. Сейчас Бажену казалось, что трое взрослых тоже играли в эту игру. Он разбирал речь, понимал каждое слово, но не мог разобрать смысла.

– Не согласится Василько, – сказал темноголовый Шемяка, и подёрнул плечами, будто одёжка мала.

– Ага! – поддакнул Стоян, встряхнув светлыми кудрями.

Бажен не понимал, с чем не согласится князь Василько, но сама мысль, что едут к нему, заставила детское сердце биться быстрее – это сам князь ростовский!

– Не знаю, – ответил старый и седой Булат. – Надо говорить с ним. Всё равно надо. Может, и согласится.

На что должен был согласиться князь, и какое дело хотел предложить ему волхв, Бажен не знал. Он и подойти к князи побоялся бы, не то что говорить с ним. А волхв этого не боялся. Мальчик сильно зауважал старика, когда понял, какой тот бесстрашный.

– Можно силу нашу показать. Согласится. – Шемяка снова повёл плечами.

– Ага! – подтвердил Стоян.

– Нельзя. – Булат нахмурил брови, наморщил и без того весь в складках лоб, и смотрел на обоих поверх огня. – Не

должно нам так делать. Ни в коем разе не можем мы так поступать. Всё должно быть по согласию. Если не захочет помочь нам, то ничего и не сделать, срок, значит, пришёл этому миру. Каждый мир приходит к своему концу.

– Зело неясно ты говоришь, отче, – Шемяка поднял глаза на старца. – Надо сильно сказать, чтобы слова проникли в него. Убедить надобно.

– Ага! – добавил Стоян и кивнул, подтверждая своё согласие с братом.

– Нет, сынки. – Булат улыбнулся, глядя на непонятливых юношей. – Даже сейчас мы не то делаем. Не престало нам помощи просить. Если приходит мир к концу своему, то так и должно быть. Но очень уж хочется, чтобы Русь в покое ещё пожила. И я не знаю, насколько сможем оттянуть мы последний день спокойствия.

– Пытаться нужно! – спросил Шемяка. – На то мы и нужны, чтобы порядок принести. Равновес надо соблюсти. Ты же сам это знаешь, отче!

– Ага, – сказал Стоян. – Порядок нам соблюдать надобно. Ты начни. А мы, ежели что – подсобим.

Булат вздохнул.

– Правы вы, ребяташки, да не совсем, потому что молоды ещё и горячи, да и глупы слегонца. Если уж суждено почитать миру, то так и будет. Поставлены мы порядок нести, правильно ты сказал, Шемяка. Но если порядки меняются, то сохраняй старые, не сохраняй, всё равно падут они, не

удержатся. В такие дни от нас уже немного зависит. Но мы до последнего будем правду держать и от кривды Русь защищать. Даже если богам это уже не нужно. И людям если неуютно станет. Но от них тут мало чего зависит. Но все равно однажды придет время, и мы снова восстановим порядок.

– Знать бы, чего богам нужно, тогда и жили бы хорошо, – сказал Шемяка и хрустнул плечами.

– Ага! Знать бы! – Стоян погрузился, глядя на брата.

– А этого мы никогда не узнаем, – вздохнул волхв.

– А даже ты, отче?

– И даже я. У богов своя жизнь и свой смысл, неведомый нам. А иногда мне кажется, что и они нас тоже не понимают.

Из разговора стало ясно одно. Они хотят встретиться с князем Василько и сказать нечто такое, от чего тот откажется. Или не откажется. И ещё мальчик узнал, что к своим богам волхв и его младшие товарищи относятся, как и не к богам вовсе, и это показалось очень странным. А расспрашивать не стал – не его это дело, пусть сами знают, с каким делом в Ростов пожаловали. А Бажена дело маленькое, ехать куда велят и молчать.

Стемнело, и запели ночные птицы. Голоса их были печальны и безрадостны, да и откуда взяться веселью в ночную и страшную пору? В это время тёмные силы выходили на охоту, и горе тому, кто попадётся на их пути. Кричала выпь, то затихая, то начиная снова, и крик казался грустным, будто потеряла всех своих птенцов и теперь оплакивала потерю.

Крякал огарь таким же заунывным голосом. Кряканье появлялось то здесь, то там, и не ясно, переговаривались это две птицы или одна прыгала с места на место. Так же скорбно ухал где-то вдалеке филин. Протяжное уханье когда-то бросало маленького Бажена в дрожь, но он привык и понимал, что это всего лишь птица. Ночь есть ночь. Весёлые птицы поют днём и по утрам. Ночные песни всегда грустны.

– От запели, – сказал Шемяка, и потянулся за луком, лезавшим у ног.

– Ага, запели, – вторил Стоян и повторил движение брата.

– Одурели? – строго спросил Булат. – Не смей бить ни зверя, ни птицу, ежели нужды в том нет.

Шемяка подержал раскрытую ладонь у лука, да и убрал. Стоян поморщил лоб и промолчал. Бажен с уважением посмотрел на волхва.

– Батяка мой так говорил, – обронил он. – Покуда жив был. Тоже говорил, что зверя и птицу можно бить только по делу, если голоден.

Булат потрепал рыжие вихры мальчика.

– Молодец твой отец. Природа мать не потерпит издевательства. Бей сколько съешь, а не голоден, так и убери оружие.

Булат велел всем спать и сам вызвался следить и питать огонь до утра.

Комарьё летело на огонь. «От как бывает, – думал Бажен, лёжа в траве, – таких маленьких комариков подманивает, а

волки, сильные, крупные звери, огня боятся».

Мальчик уснул. Снилось, что он с отцом охотится на медведя. Мишка был с головой ежа, а иглы длинные-предлинные, словно стрелы. Он мычал, пытался дотянуться лапой до Баженова отца, но у него ничего не получалось и зверь обиженно взрывал. Когда Бажен проснулся, медведь так и оставался непобеждённым.

Стояла глубокая ночь. Он поднялся. Волхв не спал и сидел у костра.

– Чего не спишь? – спросил старик.

– Почудилось сквозь сон.

– Чуткий! – с тёплой улыбкой сказал волхв. – Волки тебя разбудили. А ребята дрыхнут и хоть бы что! Не боишься волков?

Бажен сел, подобрал под себя ноги. Прислушался. Да, его разбудили волки. Они опасались огня и стояли среди деревьев, надеялись, что костёр погаснет. Вдалеке светились отражённым желтым огнём несколько пар глаз.

– А чего их бояться, пока костёр горит?

– Бывает, что их и огонь не остановит.

– Так то в сильный голод... зимой. А сейчас бояться нечего.

– Лес хорошо знаешь?

– Я в нём как дома!

– Молодец! Лесные ведатели нам нужны. А теперь спи, а я за костром посмотрю.

Бажен послушался старца, снова лёг и постарался уснуть.

Утром, еще до рассвета, трое на краю поляны выделявали невесть что! То складывались пополам, до самой земли, будто кланялись неизвестно кому, то подпрыгивали, словно стараясь допрыгнуть до вершины осины. Снова кланялись и опять прыгали. А после всего Шемяка и Стоян стали бить старика. Тяжело дышали, охали и ахали, и пытались ударить Булата. Бажен едва не бросился на помощь, но старик отбивался очень легко. Шемяка ударит рукой, а дед свою подставляет. Стоян пытается пнуть Булата, а старик изворачивается да бьёт по ноге, что тот аж на колени падает.

– Всё, достаточно детюки! – сказал Булат. – Размялись и буде! Давайте покушаем и пойдём дальше, в Ростов успеть надобно.

Так это они разминались! А Бажен грешным делом полагал, что молодые избивают старого человека. Но теперь знал, что этот старик может не за одного себя, а и за других постоять. Надо же, какой сильный! В таком возрасте уже пора на печи лежать да мух считать, а со старым Булатом не смогли совладать двое здоровых молодцов! Увиденное Бажена весьма удивило, и он теперь стал относиться к волхву совсем иначе.

Завтрак был таким же, как и ужин. Холодное мясо и медууха из небольших козевок. Мальчик запивал мясо родниковой водой. Она согрелась за ночь в козевке у костра и не

ломила зубы. В отличие от мужиков волхвы медовухи ему не предлагали, а сам и не напрашивался.

– К вечеру в Ростове будем, – сказал Булат, когда поели. – Завтра князя увидим, поговорим, и домой. А с тобой, малец, разговор особый будет, – добавил, глядя на Бажена.

Нацепили на пояса ножны с мечами, закинули луки за спины, сели на коней и двинулись дальше. Ехали лесом, и Бажен наслаждался природой. Где-то вдалеке пел соловей, трели – одна другой краше. То заливался надолго, то пел короткими переливами, как лесной ручеёк, который перекачивает свои воды с камешка на камешек. Конь Булата ехал медленным шагом, и мальчик, достав из сумы свирельку, стал играть, словно насмехаясь над соловушкой. Тот даже замолчал на время, поражённый наглостью дудочника. Послушав игру перемешника, соловчик начал петь сам, а Бажен перестал, уступив ему очередь. Булат остановил коня, за ним младшие товарищи. Перекличка двух соловушек длилась не очень долго, птице это надоело, она замолкла и перелетела на другое место.

– Ну, дык, здорово! – сказал Шемяка.

– Ага! – добавил Стоян.

– Давно ты так умеешь? – спросил волхв.

Мальчик пожал плечами.

– Умею... А давно ли... не знаю, не считал. Как мне дядька Вячко свирельку первую подарил, так и научился.

– Значит, давно, – заметил Булат и повернулся товари-

щам: – Сгодится? Сможем силушку вложить в дудку?

– Вроде бы сам должен... – неуверенно сказал Шемяка, поведя широченными плечами, и переглянулся со Стояном.

– Ага, сам! – заметил Стоян. – Ты же, старче, сам говорил, что человек должен сам открыться. Кто ж за него это сделает?

– Сам и сделает, – сказал старик. – А мы лишь направим умение. Главное, уже знаем, куда силу-то вложить.

Вроде бы и слова русские, а о чём говорят, поди разберись! Какую силу они собрались в свирельку вкладывать, кто и как это будет делать?

– Ты, малец, умение своё не теряй, – сказал Булат. – Пригодится ещё. Как домой приедем, я тобой займусь. – И ласково, с улыбкой добавил: – Ишь, скоморох нашёлся! А пока спрячь дудочку свою, успеется!

Бажен послушно убрал свирель в суму, и они поехали дальше. Лес расступался, пропуская вперёд. Рассвело. Соловей утих, но запели другие птицы. А вдалеке всё долбил неустанно дятел.

Вечером, когда солнце начинало закатываться за край земли, доехали до Ростова. Перед этим долго шли берегом озера Неро. Бажен всю жизнь провёл в лесу, никогда не видывал так много воды сразу, и всю дорогу с открытым ртом смотрел на эту красоту. Булат, заметив смятение, спросил.

– Что, пострел, никогда озера не видывал?

– Ничего себе озерцо, чудо чудное! – сказал мальчик.

– Я видывал и поболее, морем называют. И ты увидишь, коли на север понадобится сходить. На юге тоже есть. Северное Белым кличут, а южное Русским.

– А Белое – не русское, что ли? – спросил мальчик.

– Наше, русское, – в голосе Булата послышалась улыбка. – А южное иногда ещё Чёрным называют.

– Больше нашего озера? – «Наше озеро» Бажен произнёс с гордостью, впечатлённый размерами озера Неро.

– Ты тот берег видишь? – спросил Булат.

– Вижу, – ответил мальчик, всматриваясь в синюю гладь озера. – Полосочку.

– А там и полосочки не увидишь. Без конца и без края моря те. Огромны расстояния, ни конца ни края не видать!

– Ого, вот это чудо! – пробормотал Бажен.

В спокойных водах озера плескались огромные рыбыны, Бажен никогда и не видывал таких. Полянские мужики таскали на уды рыбок в ладонь, изредка чуть больше, но то, что он увидел здесь, даже немного напугало. Если вначале у него появилась мысль искупаться в озере, то теперь сразу расхотелось – а если этакое чудище на дно утащит?

Слюдяные окошки каменных домов отражали заходящее солнце, простой люд шёл с полей домой. Батраки здесь одеты куда лучше, чем в родной деревне, мальчик это сразу отметил.

– Князю показаться поздно уже, – сказал Булат, подозревая Шемяку и Стояна. – Поищем двор постоялый, да утром и пойдём. Неча сейчас, на ночь, к нему ходить, лучше с утречка, пока он добр и не забита его головушка тяжкими думами.

– Да вроде бы он всегда не зол и не сердит, – ответил Шемяк.

– Не зол, ага! – сказал Стоян.

– Добр по сути своей или нет, а великий князь, – ответил волхв. – Не по сути своей судит, а по делам княжьим. Мало ли чего сегодня выслушать пришлось, с досады возьмёт и завернёт нас, и пропал наш труд. Утром пойдём, пока у него голова чистая будет от злых дел.

Постоялый двор нашли в огромном срубe-тереме с многочисленными пристройками. Хозяин, лысый безбородый мужчина, велел челяди отвести коней на конюшню и накормить. В горнице стояли спальные лавки да стол. В стене – открытое волоковое оконце.

Еда была странной, такой Бажен никогда не ел. Привык к простой пище, а принесли невесть что. Как же можно так изгадить простую рыбёшку! Хотя на вкус показалось довольно неплохо. Шемяка и Стоян навалились на харч, и вскорости ничего, кроме тонких костей да рыбьего хребта не осталось. Да и медовуху выпили в один присест. Предполагали взять ещё, да Булат запретил, завтра, мол, важное дело, а вы опять в зюю?

– Веселие Руси питие есть! Так ещё князюшка наш Владимир говорил, – сказал Шемяка.

– Ага, питие есть... – закивал Стоян. – Веселие есть.

– Не знаю, чего там князюшка сказал, а я вам говорю, приедете назад, а там хоть вусмерть напейтесь! – резко ответил Булат. – А здесь нельзя.

Богатыри загрустили. Не богатырское это дело – сидеть тверёзым и слушать старика.

После того как откушали, Булат сказал, чтобы Бажен снова поиграл на свирели. Старику понравилось, с радостью

в сердце подумал мальчик, вытаскивая из сумы свирельку. Спросил, что сыграть, песенку какую-нибудь, или пересмешку птичью. Старик приказал играть пересмешку. Бажен вдохнул воздуха, облизнул губы и начал играть. Сначала подражал соловушке, долго трели пускал, а Булат молча сидел, тербил седую бороду и смотрел в тёмное узкое оконце, заволочённое рыбьим пузырьём, за которым еле видно блеснул месяц. Горела толстая лучина, она слабо освещала лицо старика, и в глазах отражался жёлтый пламень. Мальчик стал играть иволгу. Он умел делать это так, что сами птицы путались, принимая его за своего. За иволгой стала ухать сова, за нею – тоскливо запела выпь.

– А сейчас попробуй, – тихо сказал Булат и провёл рукой над головой мальчика, будто на расстоянии погладив.

Голове сразу стало тепло, Бажен будто ощутил неведомую силу, которая исходила из рук старика. Он снова поднёс свирель к губам и заиграл. Голос дудочки стал другим, раньше она так не играла. Показалось, что это сделал Булат движением руки.

– Пробуй снова! – Старик ещё раз провёл ладонью над головой, слегка касаясь волос.

Бажен заиграл, и опять голос свирели изменился, превратился в мягкий и негромкий, словно обволакивал всё вокруг. Это был такой приятный звук, что Бажену стало уютно, будто он лежал у матери на коленях, а она гладила ладонью по голове и пела песню.

– А так попробуй!

Булат достал из сумы на поясе небольшой мешочек, покопался в нём и вынул маленький железный оберег. Вскочив, вынул ножом, раскрыл и вытряхнул из него нечто лёгкое и воздушное.

В слабом свете свечи Бажен разглядел, что это лепесток ромашки. Что за память Булату этот цветок сохранял, мальчик не знал.

– Сыграй ещё, – сказал старик и положил ладонь на макушку Бажена. – Смотри на цветок и играй.

Бажен подчинился и заиграл. Голос свирели в который раз за вечер переменялся. Мальчик смотрел на белый, засушенный ромашковый лепесток, как велел Булат, и играл на своей дудочке. Долго играл. Пламя лучины слегка шевельнулось, дёрнулось, как от порыва ветра, и едва не погасло. И ромашка ожила. Лепесток расправился, набрал силы, словно напитался звуками свирели. Теперь ничто не напоминало сухой скукоженный лепесток, каким ромашка была несколько мгновений назад. К нему добавился ещё один лепесток, следом ещё один – и вот уже ромашка, свежая, будто недавно сорванная, лежала на столе и источала приятный полевой запах.

– Как вы это сделали, чудеса такие распрекрасные? – спросил Бажен, не отрывая глаз от этого чуда на столе.

– Это не я сделал, а ты, – ответил Булат и убрал с головы мальчика тяжёлую ладонь.

Лепесток медленно свернулся и снова высох. Остальные растаяли, словно и не было.

– А я думал, цветок навсегда ожил, – разочарованно протянул Бажен.

– Сразу не бывает, – сказал старик и, снова сложил лепесток в оберег и закрыл, сложив две половинки. – Но со временем, может быть, ты научишься...

– Это свирелька ромашку оживила? Я теперь лечить и оживлять умею? Вот же чудо выходит!

– Если бы только лечить и оживлять, – про себя проговорил Булат и тяжёлым шагом вышел в сени.

Погремев дверьми, он оказался на улице. Через небольшое время вернулся.

– Спать! – сказал старик. – А с тобой, малец, мы после говорить будем, как домой вернёмся.

Он затушил свечу и принялся укладываться на лавку.

Шемяка со Стояном вышли на улицу и долго не появлялись. Булат пробурчал «молодо-зелено», обещая утром надавать обоим по шеям, и замолк.

Бледный месяц едва пробивался сквозь рыбий пузырь. Бажену казалось, что ночное светило покачивается, убаюкивая. Достал из-под рубахи мешочек-оберег, подаренный тёткой Весняной, и поднёс к лицу. Запах родного леса вернул в свою деревню, и мальчик уснул.

Парни вернулись поздно. Входя в избу, опрокинули ведро, разбудив и волхва, и Бажена. Мальчик глянул в оконце и,

не увидев месяца, сообразил, что уже давно перевалило за полночь. Булат снова пригрозил братьям расправой поутру, и наступила тишина.

Утром Бажен проснулся раньше всех и выскочил во двор. Вчера в сумерках многого рассмотреть не успел, а сейчас он был поражён красотой города. Каменные дома соседствовали с рублеными теремами, и те, и другие были очень красивыми. Если в Полянке верхом красоты считался резной конёк на прогнутой от старости крыше, то здесь было совсем иначе.

Бажен даже не смог бы описать, что здесь считалось красотой. Никогда ничего подобного не встречал. Резные крашенные наличники, прозрачные слюдяные окошки в светлицах – в Полянке о таких и мечтать никто не смел. Да там и волоконные окошки не у всех были. А уж каменные дома! Это же чудо из чудес!

Бажен стоял посреди двора и крутился в разные стороны, с открытым ртом разглядывая красоты Ростова. Не зря Ростов Великим называют!

– Чего рот раззявил, малый?

Бажен оглянулся. Коренастый и крепкий мужичок небольшого роста стоял с топором в руке и готовился колоть дрова. Выставил в ряд несколько полешек и, поплевав на ладони, крепко взялся за топорище. Никак баньку истопить велели. Или для стряпухи старается.

– Красиво... – ответил Бажен, и конопушки засветились под лучами утреннего солнца. – Чудо чудное!

– Ха! Красиво. Я каждый день такую красоту вижу.

Подняв топор, мужичок громко хекнул и с неопишуемой скоростью разбил одно за другим поленья.

– Видал, как надо? Кр-р-расота! – он разогнулся. – Она где красота! – показал блестящим лезвием на гору берёзовых чурок, которые белели свежими сколами.

Вытер руки о грязную рубаху и расставил ещё несколько полешек. Снова поплевал в ладони и взялся за топор. «Ха! Ха! Ха!» – и все поленья были разбиты за несколько мгновений.

– Вот тебе и красота, – сказал дровосек, откладывая топор.

Он набрал дров и ушёл. А Бажен поднялся на забор и уселся там, глядя на спокойные волны озера. Рыбаки готовили лодочку с сетью – Бажен никогда не видал таких огромный сетей. В Поляне рыбу ловили махонькой сеточкой, закидывая её в мелкую речушку. Здесь же всё было огромного размера – и озеро, и рыбины, и сети, и дома.

Где-то вдалеке курился дымок, а в стороне ещё один – боярам топят баньку. «Может быть, сегодня праздник, раз люди будут мыться?» – подумал Бажен. Не знал он, что люди здесь моются не только по праздникам, а чуть ли не каждый день.

Пока он разглядывал окрестности, мужичок-дровосек

успел перетаскать наколотые дрова и спрятал топор.

Проснулся старец Булат со своими молодыми друзьями и велел Бажену слезть с забора. Вот всегда так, – найдёшь себе удобное место, и обязательно скажут, что нельзя. Но Бажен вспомнил, куда они пойдут, резво соскочил с забора и подбежал к Булату.

– Пойдём уже? К самому князю? Меня возьмёте?

Шемяка и Стоян переглянулись и рассмеялись, хлопая себя по ляжкам.

– Экий шустряк, – сквозь смех сказал Шемяка.

– Ага! Точно шустряк! – вторил Стоян.

– Не в такую же рань! – Булат усмехнулся в бороду. – Чуть погода пойдём, не будить же нам князя.

– Н-у-у-у, – протянул Бажен. – Ждать не люблю! Долго ждать будем?

– В Ростове ожидание – одно наслаждение, – с улыбкой сказал Булат. – Пойдём, людей поглядим, себя покажем. И поедем там же.

Бажен заметил, что лица братьев помяты – у обоих глаза подкрашены синяками. Ночью где-то подрались. Старик-у это явно не нравилось, но волхв молчал. Обещал ночью страшно покарать, а теперь, наверное, придумывал наказание.

Вышли со двора, и Булат уверенно повёл их куда-то.

– Ты, малец, дудку свою спрячь и не играй, – сказал старик, когда они проходили вдоль забора. – Не надо никому

показывать, чему ты научился. Не привлекай лишнего внимания к себе.

Бажен кивнул в ответ и промолчал.

Чем ближе подходили к площади, тем богаче становились дома, а самый лепый и огромный стоял на той стороне.

– Красиво? – Булат положил ладонь Бажену на плечо. – Это княжеский дом, там князь Василько живёт. А рядом – это церковь Бориса и Глеба.

Церковь, выстроенная из тонкого кирпича, возвышалась над всем Ростовым, и, казалось, готова защищать город от всех напастей.

– Красиво, – ответил Бажен, и тут они подошли к самой площади. – Чудо-то какое!

Несмотря на то, что было ещё раннее утро, на площади уже собралось много народу. Здесь находились и кузнецы, и кожевенники, и косторезы. А вот и скоморох! Сколько слышал о них Бажен, а встретить привелось лишь сейчас. Скоморох в смешных ярких одеждах и высокой остроконечной шапке с бубенцами прыгал и кувыркался на свободном пятаке, играл на дудке, бил себя в бока. А вокруг столпился народ, люди смеялись и кидали ему бронзовые деньги. Колокольчики на шапке забавно звенели, а лицо лучилось счастливой и глупой улыбкой. Глядя на дудочника, Бажен тоже заулыбался, сверкнув веснушками.

Дальше в стороне плясал на задних лапах медведь, а мужик в красной подпоясанной рубахе, чёрных портах, обмо-

таннных подвязочками онучах и лаптях играл на небольших гусях. Мишка был привязан верёвкой к гусяру и казался совсем ручным. Пританцовывал, перебирая лапами, кружился то в одну, то в другую сторону и даже будто подпевал гусям, неразборчиво мычал. Люди кидали игруну денежки, смеялись и шумели.

Городские забавы увлекли Бажена. Он остановился и стал смотреть на медолюба. Мальчику и в голову не приходило, что зверя можно приручить. И не понимал, для чего это нужно. Зачем заставлять косолапого танцевать? При всей своей лютой нелюбви к медведям, он не мог принять этой жёсткости. Лучше убить, чем так издеваться над животным. Ведь зверь любит жить на воле, а его держат на цепи и заставляют плясать на потеху народу.

Потом Бажен вспомнил, как такой же мишка едва не угробил его со Всемилом, и отца своего вспомнил, и жалость к зверю сменилась упрямой ненавистью. Рука невольно потянулась к луку за спиной, но оружие осталось на постоянном дворе.

– Что, охотник, ещё одного мишку вальнуть надумал? – хохотнул Шемяка, заметив, как Бажен пытается нащупать древко лука.

– Ага, а заодно и гусяра! – сказал Стоян.

Мальчик стиснул зубы и промолчал. В этот миг медведь тоже заметил Бажена. Взгляды мальчика и медолюба встретились. Что прочитал в глазах Бажена косолапый? Испугал-

сы? Или озверел? Он перестал кружиться и застыл на месте. Вытянув вперёд шею и опустив передние лапы, стоял и смотрел на Бажена, как заворожённый. Гусяр, не переставая играть, сделал несколько шагов назад, натянув верёвку и дёрнув зверя – косолапый не обратил на него внимания и продолжал смотреть на мальчика.

Первым забеспокоился Булат. Старик прочитал во взгляде медведя то, чего не заметил никто. Он положил руку на плечо Бажена и повёл мальчика в сторону, но было поздно. Мишка словно очнулся от оцепенения и рванулся изо всех сил. Верёвка, которой он был привязан к поясу гусяра, резко натянулась. Гусли, в последний раз тренькнув, шлёпнулись на землю и раскололись. Хозяин косолапого закричал, попытался остановить мишку, но упал на спину и юзом поехал вслед за зверем. Его матерщины не было слышно за рёвом бешеного медведя.

Мишка забыл о том, к чему его приучали, опустился на четыре лапы да резво побежал в направлении к Бажену, а гусяр, продолжая верещать, волочился следом. Булат, больно сдавив плечо мальчика, резко отбросил его назад, да так сильно, что Бажен едва не упал. А сам старик остался стоять на месте и выставил перед собой левую руку.

Толпа загудела, люди стали разбегаться.

Верёвка перетёрлась и порвалась, и гусяр остался лежать на земле, пыльный и грязный, а зверь, почувствовав облегчение, побежал ещё шибче. Он достиг старика и прыгнул, но

будто ударился мордой о невидимую стену. Голова завернулась чуть назад, а сам он упал под ноги Булата и остался лежать без движения.

Над площадью нависла тишина, пискляво дунул в свою дудку скоморох, да и замолчал.

– Ты что же, мил человек, за своим зверем усмотреть не можешь? – строго спросил Булат.

Гусляр лежал в изорванной цветастой рубахе и протёртых до дыр штанах. Один лапоть продолжал сидеть на ноге, а второй валялся рядом с разбитыми гуслиями. Размотанная онуча длинной лентой извивалась рядом.

Бажен посмотрел на медведя. Морда у того была в крови, будто он с разбега треснулся в каменную стену, из ноздрей капала алая юшка.

Гусляр поднялся. Он в кровь стёр руки и ноги, пока волочился за медведем, да ещё и щеку изодрал. Прихрамывая подошёл к зверю, потрогал недвижимую тушу босой ногой. Присел рядом на корточки, оттянул закрытое веко. Подняв голову, удивлённо сказал:

– Сдох.

– Бешеный что ль? – спросил Шемяка, оттеснив плечом Стояна. – А если б подрал кого?

– Ага, как пить дать бешеный, – добавил Стоян и боком толкнул брата.

– Да в жисть такого не было! – закричал гусляр. – Прирученный, как ребёнок для меня. Спокойный и ласковый, даже

с собаками не дрался!

– Сколько волка не корми, всё равно в лес смотрит, – заметил Стоян.

– Ага, – поддакнул Шемяка и с удивлением посмотрел на брата – как это тот вперёд него заговорил?

Бажен не сразу, но всё-таки догадался, что это дело рук Булата. Недаром старик себя волхвом называл. Даже не притронулся к медведю, а убил. Это тебе не ромашечку дудочкой оживлять. Мальчик осознал, что коснулся чего-то тёмного и страшного.

– Пойдём, – сказал Булат и, положив руку на плечо Бажену, потянул на окраину площади.

Люди расступались и вчетвером – Булат с Баженом в середине, Шемяка и Стоян по краям – шли, будто по волнам плыли. Они прижались к краешку площади, нашли, где заморить червячка. Вошли в низкий домишко-харчевню, сели за грязный стол.

– Ты что медведю сделал, что тот сорвался? – спросил Булат, зачерпывая горячую кашу из глиняной плошки.

– Н-ничего! – Бажен замотал головой.

– А, так вот что случилось? – сказал Шемяка и пристально посмотрел на мальчишку. – А я не сразу и сообразил. Значит, мальчишка ещё и не то могёт?

Стоян ухмыльнулся:

– Ага, мишку раззадорил?

– Я ничего не делал! – повторил Бажен. – Это чудо-юдо

сам на меня бросился.

– Делал, – ласково сказал Булат. – Делал. Ты мишку разозлил. Или напугал.

– Ну да, напугал, – усомнился в словах старика Бажен. – А чего тогда кинулся на меня, чудо он юдо?

– Звери бросаются в битву в двух случаях. Когда чувствуют страх или когда сами боятся. Так о чём ты думал, когда смотрел на ведмедя?

Мальчик пожал плечами:

– Вспомнил батю.

– А батю медведь порвал? И ты мстишь каждому медолюбу?

– Да. Но уже не хочу вроде бы. Вчера мы со Всемилом мишку завалили на пару. – Мальчик изобразил лучника. – Больше не хочется. Не понравилось мне убивать. Да и батя не тому учил.

Старый волхв покачал головой.

– Хм... Вот Миха и почувал твою нелюбовь... или что ты собрата его прибил. И сорвало голову-то звериную.

– А это вы так... – Бажен выставил перед собой руку, показывая, как это сделал Булат. – Остановили.

– Не совсем я, – сказал Булат. – Сила наша. И ты, малец, тоже познаешь её...

– Научите?

– Ты уже кое чему научен.

– Цветок оживлять?

– И не единственно цветок. И не только оживлять. Всему научишься.

– И мишку тоже можно оживить? – Бажен аж подался к Булату. – Почему же не сделали этого?

– Не всё можно сделать, малец. – Старик помотал перед носом мальчика корявым и толстым пальцем. – Животину оживить, это тебе не цветочек на мгновение жизнью наполнить. Да и если помер, значит, срок пришёл, незачем вмешиваться. А раненых на ноги ставить – это можно.

Помолчав, Булат показал пальцем на Шемяку.

– А теперь вы. Чего вы там ночью учудили, злыдни? С кем подрались? Я вас для того с собой взял, чтоб вы дело мне портили?

Шемяка опустил глаза. Синяк под глазом стал бордовым. У Стояна глаз заплыл, и он стал похож на узкоглазого басурманина.

– Или вы там друг друга отмутузили, олухи?

Парни отрицательно замотали головами, не поднимая глаз.

– Давайте, говорите уж, что там случилось.

Шемяка поднял голову, помигал подбитым глазом.

– Да вышли мы воздухом подышать, со двора сошли...

– А на дворе, значит, воздух спёртый... – перебил Булат.

– Ну, простора там мало. Нам погулять хотелось.

– Погуляли, стало быть. Давай дальше.

– Ну, и погуляли.

– Ага, погуляли, – грустно поддакнул Стоян.

– И чего нагуляли?

– Так... ничего, – Шемяка снова опустил глаза. – Вышли мы со двора, пошли к озеру, искупаться. И не дошли манечко.

– Мане-е-енечко! – передразнил Булат. – Судя по финглам, хорошенько не дошли.

Шемяка прикусил губу, и продолжил рассказывать:

– Да, крик слышали. Баба орала. Ну, пошли мы туда, а там два дурака девку тискают. Она бежать, а один её кулаком в морду. Ну, мы и не сдержались.

– Бабу-то отбили? – любопытствовал Булат.

– Да, убежала, – ответил Шемяка.

– Ага, убежала, – вторил Стоян.

– Ну что, похвально. Тогда наказывать вас я не стану.

Стоян улыбнулся, и Бажен заметил, что тому ещё и зуб выставили.

– Это хорошо, – сказал Стоян.

– Не совсем хорошо, – заметил Шемяка.

– Что ещё? – спросил Булат.

– Эти парни, что девку снасильничать хотели, это... – Шемяка замялся, и понурился, переступая с ноги на ногу, добавил: – никак, боярами оказались. Не сразу разглядели мы. Бояр мы побили.

Булат нахмурил густые брови.

– Ну ладно. Посмотрим. Не узнают вас, если увидят? Хотя

с такими подглазниками вас и мама родная не узнает.

На той стороне площади, в храме, раздался перезвон колоколов. Народ притих.

– К службе звонит, – сказал Шемяка.

– Точно, к службе, – вторил брат. – Князь в храм уйдёт. Пойдем за ним?

– Найдем его опосля службы, – сказал Булат, посмотрев на братьев. – Не в храме же мы будем с ним беседовать.

Звон колоколов витал над площадью, мелодичные перебивы то затухали, то нарастали. Бажен зачарованно слушал. Рука потянулась в суму за свирелью, но вспомнил, что старик сказал не играть на людях. Нельзя так нельзя.

Когда перезвон завершился, Булат поднялся, встали Шемяка и Стоян.

– Служба недолгая будет. Можно покамест ко двору князьему подойти, – сказал Булат.

Вчетвером они вышли на безлюдную площадь. Здесь оставались в основном владельцы товара, который никуда не убеёшь и не спрячешь, остальные двинули на службу.

Булат неторопливо шёл к князьему двору. Бажен с боку от него, а Шемяка и Стоян по краям. Они будто просто гуляли по городу, словно у волхва не было никаких целей. Пока дошли, небо стало низким, набежали тучи, стало сумрачно, как вечером. Остановились невдалеке от запертых ворот и

стали ждать.

– Княже выйдет из церквушки, пир закатит, и войдём тогда, – ответил Булат когда Бажен спросил, чего они ждут. Не след торопиться нам. Торопыга может любое дело испортить.

Стало накрапывать. Мальчику показалось, что Булат сделал движение рукой, провёл пальцем по воздуху, будто знак какой написал, и дождить перестало. Слишком много волшебства на один день – это уже слишком. В деревне сколько дождя ждали, засухи боялись, вот и Бог смилостивился, послал дождик. А старик взял и остановил его, лишь рукой взмахнул.

Небо оставалось смурным, но теперь дождь не шёл. И Бажен почти уверился, что это Булат сдерживает дождь. Он настоящий волхв Перуна. Сказывают, они многое умели, пока не их стали гнать отовсюду.

Мальчик слабо улыбнулся – он и сам так сможет в будущем, раз Булат обещал сделать из него волхва.

Когда князь вышел из храма и в окружении нескольких витязей двинулся ко двору, Булат шагнул вслед и потянул за собой Бажена. Шемяка и Стоян чуть отстали.

Из тяжёлых туч пролилось немного дождинок, но Булат взмахом руки заставил небо подождать. Теперь мальчик уже и не сомневался – это дело его рук, это он дождь задержал. А если... если так, то и молнией ударить способен? Перун и не то умеет.

Сначала Булат торопился, но после замедлил движение, передумав заходить в хоромы сразу после князя.

– Пусть пировать начнут, а мы после и подойдём, – сказал старый волхв. – В это время княже должен быть добрый, стоворчивый.

Вчетвером дошли до ворот, свернули, прогулялись по площади и когда во дворе князя загудело весёлыми голосами, Булат наказал идти туда.

– К князю мы, – сказал он, когда два амбала на входе преградили путь.

– Ходят тут всякие. Чего надо? Кто такие?

– Я Булат, а это мои друзья.

– Булат? Не тот старец, который...

– Он самый, – перебил старик.

Амбалы о старике они знали понаслышке, а в лицо никогда не видели. Но судя по посеревшим лицам, им много чего о нем рассказывали.

– Пропу'стите, или так и будем стоять? – ласково спросил Булат.

– Проходи, – оба мо'лодца отошли, пропуская старика с товарищами. – Князь тебе, старец, не скажу, что шибко рад будет, но и не отринет.

Стоян раскрыл рот, но получил кулаком в бок от Шемяки и двинулся вслед за Булатом.

Бажену подумалось, что и князь так же напугается, узнав, кто к нему в гости пришёл. Но оказалось, что князь Василь-

ко не из боязливых. Когда гостей пустили в княжескую светлицу, Бажен заметил нескольких богато одетых человек. Василько был ещё довольно молод и крепок телом, а рядом с ним крутился сын, мальчуган лет трёх-четырёх.

– Здравствуй, князь! – сказал Булат, отвесив поклон.

Шемяка со Стояном сделали то же самое, а Бажен замешкался и поклонился, когда старшие уже выпрямились.

Василько был высок, с кучерявой тёмной бородой, глаза блестели от выпитого. По лицу человек он был незлобивый, за что по земле Ростовской и слух шёл, что добрым нравом обладал. Князь расправив плечи, стоял и смотрел на старика. Глаза глядели будто сквозь волхва.

– И тебе здравствуй, Булат, и друзьям твоим. С чем пожаловали, с добром или нет?

– С просьбой, князь, – Булат ещё раз поклонился, но уже не так низко. – И с советом. А уж добро или нет – решай сам.

– Мне советовать удумал? – с удивлением спросил Василько и махнул рукой. – А, после! Отдохните, выпейте, поешьте, а после и поговорим. Негоже гостям сразу к делам приступать, когда пир идёт.

Он указал гостям места, а сам пошёл за свой стол. Там сидело несколько близких князю витязей. Лица их покраснелись, бояре переговаривались и смеялись. Князь подсел, сказал два слова и парни, перестав ржать, с любопытством начали разглядывать гостей за другим столом.

Гостям поднесли вина в больших чарках. Для Бажена на-

шёлся морс. После нескольких чарок, Шемяка со Стояном повеселели, после чего Булат пить им запретил.

В светлице стало шумно, люди галдели, веселились, привели скомороха, и он стал выделывать коленца, играя на дуде. В самый разгар пира, когда за шумом уже не было слышно голосов, Булат поднялся. Встали и оба его товарища, но он велел им оставаться на месте. Старик вышел на середину светлицы и подошёл к князю. Василько взмахнул рукой, пытаясь утихомирить разошедшихся бояр, но поддатые витязи продолжали шуметь. Он прикрикнул – и восстановилась тишина.

– Говори, раз пришёл! С чем пожаловал к нам, всё выкладывай, не таи слов за пазухой.

– С просьбой я пришёл к тебе, княже, – сказал Булат и склонил голову перед князем Василько. – но просьба эта касается не меня одного и не моей веры. Всех касается, всех русичей.

Василько поморщился.

– Говори, старик, не томи. Говори и давай дальше пировать.

– Не могу пировать я князь, покуда такое творится на моей земле, – начал Булат. – Помнишь, говорили мы с тобой, да ещё с отцом твоим? Тебе тогда лет было намного меньше.

Князь кивнул.

– Помню, приходил ты к нам. Не тяни, говори.

Булат продолжил:

– Между мной и твоим отцом уговор был, что оставит капища наши, перуновы. Обещал, что не тронет. Недавно разорила дружина твоя храм наш северный. Или ты забыл, княже, слово отца?

Василько потерял кудрявую бороду и кивнул:

– Давал, давал такое слово. Но нынче не он княжит на земле Ростовской, а я. А я ничего тебе не обещал.

Булат выпрямил стан и будто стал вышел ростом.

– Ну так я скажу тебе, князь, – промолви волхв, – что до добра это не доведёт.

Князь поднялся и стукнул чашей о стол.

– Не угрожаешь ли ты мне, старик?

– Нет, князь, не я, небо грозит, – смиренно ответил Булат. – Всем нам! Все мы под одним небом ходим!

За окном разразился сильный ливень, молния полоснула в слюдяных оконцах. Князь несколько не убоился, а бояре по обе стороны от него вздрогнули и дружно перекрестились. Малыш, сын князя, подбежал к отцу и прижался к боку.

– Не бойся, Бориска, – ласково сказал Василько Константинович и погладил сына по голове. – Подняв голову, сказал Булату: – Говори, старик. Почему не должен я, православный человек, изничтожать идолов твоих деревянных?

Волхв подошёл поближе к столу.

– Поставлены они над нами давно, – сказал он. – Тогда ещё и Христа-то вашего не было. И берегли идолы землю нашу от войн и разора. И сейчас берегут. И мы, волхвы, зна-

ем, что надо делать, чтобы сберечь землю Русскую. Спокойствие, мир несём мы нашим людям.

– То-то же брат на брата войной ходят, города друг у друга отнимают, – со злостью в голосе сказал Василько. – Не об этом ли спокойствии ты говоришь, волхв?

– Свои дерутся – только тешатся, княже, – отвечивал Булат. – А от иноплеменников разор великий будет. Твоего отца убедить я мог, но смогу ли убедить тебя?

– О чём ты говоришь, старик? О мунгалах? – Василько оглядел присутствующих. – Так разбили мы их. Уже лет десять как разбили. Нету, убежали кочевники в свою степь.

Волхв опёрся о стол руками и спросил:

– А как наших били до того, на Калке, тебе неизвестно? Ну да, ты же там не был. Шёл-шёл, да не дошёл.

– А ты, старик? – раздосадованно спросил в ответ Василько, понимая, что волхв прав.

– А я был, княже, и видел всё своими глазами, – со вздохом сказал Булат. – И не хочу больше такого видеть. И не хочу, чтобы такое больше повторилось. А почему, знаешь ли ты, мунгалы в тот раз пошли на нас?

– И почему же? – Василько продолжал стоять, держа одной рукой напуганного сына.

– А капище наше за год до того снесла дружина твоя, – веско сказал Булат. – Вот почему.

– Что ты несёшь, старик? – Князь, несмотря на то, что его любили в народе, мог быть крут с теми, кем недоволен,

и Булат играл с огнём.

– Не сноси остальные, прошу тебя, князь! Пропадёт земля наша без помощи нашей, без Перуновой помощи. Если тебе дорога земля наша, русская, то не делай этого, заклинаю тебя!

Булат отошёл от стола и стал на одно колено, поправив, чтобы не мешались, ножны с мечом и склонил голову.

– Нам не должно попирать законы древние, не нами ставленные, – сказал он. – Если лишить нашу землю поддержки Перуновой, может случиться беда пошибче сечи на Калке.

– Встань, старче! – сказал Василько. – Негоже старику перед молодым стоять на коленях, хоть я и князь. А просьбу твою... я подумаю. Что за пользу ты и твой Перун сможешь принести мне и земле нашей?

– Каждодневно пользу приношу тебе и людям нашим, – сказал волхв, не поднимаясь с колен. – Живём в мире, не в разоре. А что друг с другом дерётесь постоянно, это уже ваша вина, а не богов, сами разбирайтесь. А от врага иноземельного мы вместе защитим Русь. Знаю я, как это можно делать, доверься мне. Вместе мы сможем осилить врага. Негоже вашему Иисусу и нашему Перуну друг с другом бороться, надо направить их силушку против общего нашего врага.

Василько сел на лавку, подпёр голову рукой. Другой взъерошил волосы сына.

– Ладно, старик, иди за стол, пир продолжать будем. Ве-

селись! Я подумаю!

Булат вернулся на своё место. Снова заиграл на дуде скорох и стал плясать перед столами. Загоготали витязи. Но Василько теперь мыслил не о пире. К чарке почти и не притронулся, – лишь пару раз пригубил. Запечалился князь. Поверить старику и оставить капища Перуна нетронутыми? Или продолжать бороться с идолами и дальше, как вера велит? Бажен знал о том, как сжигали и топили идола Велеса, Перуна и других богов. Если ты христианин, то идолов почитать не должен. А вот рубить и сжигать не каждый осмеливался – а если боги ответят? А Перун знамо как отвечал – молнией вдарит в лобешник, и никакой Христос не поможет. Потому никто из простых людей супротив идолов и не шёл, а многие и продолжали почитать – кто открыто, а кто втайне. Князь нахмурил лоб, потирал бородатый подбородок и скользил взглядом по светлице.

За стенами буянила гроза, лил дождь, сверкали молнии и громыхал гром. Пир продолжался. Булат и Василько молчали. Первый гадал, что ответит князь, а второй размышлял, что скажет господь бог, если супротив веры пойдёт. Не веселились и Шемяка со Стояном, ждали, чего старик им поведает. Даже Бажен, глядя на них, тоже загрустил.

Когда в светлицу вошли два молодых боярина, Бажен заметил, что Шемяка дёрнулся. Оба гостя были украшены такими же синяками под глазами, а у одного ещё и скула распухла, будто зуб болит. Стоян бояр тоже узнал, лицо его вы-

тянулось, как лошадиное стало.

– Они? – шепнул Шемяка.

– Ага, – ответил Стоян.

Богатая одежда, шапки с меховой оторочкой, куртки, алые плащи, высокие мягкие сапоги – всё говорило, что они не из простых людей. Волхв тоже обратил на них внимание, сразу связал разбитые лица с ночным случаем и сделал единственно верное заключение.

Бояр усадили за стол, налили вина. Братьев они узнали сразу. У одного отвалилась челюсть, он толкнул плечом товарища да показал взглядом на Шемяку. Взгляды скрестились, как мечи, разве что искры не посыпались.

Булат ждал, не зная, какое решение примет Василько. Не пил, а так же, как и князь, время от времени неторопливо пригубливал чарку. И молчал, поглядывая то на князя, то на новоприбывших бояр. Это были дети какого-то знатного боярина.

Василько размышлял над разговором с волхвом. Нелегко князю решение далось, слишком уж хмурый он стал. Поднялся с лавки, снова утихомирил гулявших витязей (сделать это было непросто, пришлось чаркой по столу постучать), и подозвал Булата.

– Будет, как ты просишь, старик! – сказал. – Но до поры до времени. Если я узнаю, что волхвы по деревням ходят и народ мутят против веры нашей православной, в тот же день приказ дам уничтожить остатки капищ и волхвов с ними.

А первым делом твой дом. А пока иди с миром, старче. И помни, что уговор не только с моей стороны, но и с твоей тоже.

Булат тоже встал.

– Спасибо, княже, уважил просьбу мою! Уберёг ты землю нашу от беды. Уговор я буду блюсти, как и всегда делал. Ну, раз ты отпускаешь нас, то мы пойдём. Прощай, Василько. Пусть не будет между нами зла никогда!

Старик кивнул своим ребятам и вышел из-за стола, потянув за собой Бажена. Шемяка и Стоян, как привязанные, потянулись следом. Стоян прихватил с собой кусок мяса, и вызвал этим гогот нескольких бояр. Двое молодых бояр за столом пристально смотрели им в спины.

Вышли во двор, и дождь тут же перестал да гроза успокоилась. Шемяка толкнул Стояна в плечо.

– Это те, кого мы побили вчера?

– Не знаю, – ответил Стоян. – Похожи. Бояре знатные. Зря мы ввязались вчера.

– Олухи, – пробурчал Булат. – Всё испортите.

– А мы что? – обиженно пробормотал Шемяка. – Мы девушку защитить хотели.

– Благородные олухи, – повторил волхв. – Теперь нам надо поскорее уходить. А если они пожалуются князю, то мне придётся отдать вас на суд. Это ж надо, приехать в Ростов и бить бояр из княжеского двора. Олухи!

– Не, не пожалуются, – ответил Стоян. – Рази ж мужчина

станет на такое жаловаться? Что князь скажет? Бабу обидеть возжелали? Получили!

Булат промолчал.

– Договорились, стало быть, с князем? – спросил Шемяка.

– Не знаю, – ответил волхв. – Может быть, да, а может, и нет.

– Ну князь сказал же, что согласный.

– Согласный. А условие уж больно шаткое. Его нарушить можно легко.

– Почему?

– А мы углядим за всеми волхвами, что шастают по деревням? Князю многого и не нужно, слух пусти, что ходят по дворам, сбивают с толку, вот и конец договору. Как и конец миру на земле нашей. А теперь ещё и вы учудили, врагов себе нажили. Нам друзей искать надо, а вы – недругов ищите. Сдалась вам эта баба? Она вам спасибо не сказала! Она вас даже не вспомнит! Может быть, она сама даже скучала по двум боярам, а тут вы! Но теперь бояре эти будут на вас зло держать.

– Знать бы ещё кто это! – сказал Шемяка.

– Мечтай о том, чтоб никогда не узнать этого, дурень! – тихо сказал волхв.

Дошли до постоянного двора. Шемяка выпросил хозяина и узнал кто такие эти бояре.

Когда уже сидели на конях, выезжая со двора, сказал:

– Это племяши Кирилла. Звать их Александр и Олег. Мо-

лодые да бестолковые, постоянно во всякие беды встречаются. Такие же олухи, как вы. Вот Кирилл и забрал их из Владимира под своё крылышко по просьбе родичей, – помолчав, волхв пробурчал: – Олухи вы, хоть и благородные. И такие же бестолковые, как два этих дурака. Вот ждите теперь беды.

Бажен не стал спрашивать, тут и так ясно, что чем быстрее они уйдут, тем лучше. Авось парни битые погорят, погорят, попьют вина, да и перегорят, забудут обиду. В деревне так всегда бывало, мужики подерутся, да помирятся. Не знал он, что благородные бояре обид никогда не забывают и часто проносят их с собой до самой могилы.

6

Дождь перестал. Кони с трудом шагали по размокшей земле, копыта скользили по жиже. Торопиться было нельзя, ноги переломают. Булат будто мысли Баженовы прочитал.

– По такой дороге ехать, без коней остаться! – ворчливо сказал он. – И оставаться тоже нельзя, а всё вам спасибо, олухи благородные!

– А что мы? Разве мы знали? – спросил Шемяка.

– Ага, не знали мы, – добавил брат.

– Молитесь, чтобы про вас не вспомнили, – сказал старый волхв.

– Не вспомнят, – уверенно ответил Шемяка. – На пиру разве о таком вспомнишь? Напьются и забудут.

До вечера ехали без остановок. Вернее, не ехали, а еле плелись. Прошли от силы вёрст десять, после чего Булат сказал, что надо останавливаться, иначе дальше придётся идти пешком. Лошади совсем измотались на скользкой размоченной земле.

Бажен спрыгнул с коня и едва не вывернул оба колена, завязнув в грязюке про щиколотки. А когда выбирался, чуть лапти в земле не оставил.

Шемяка, слез с коня и, пошёл искать место, где можно расположиться. Стоян с Баженом начали собирать ветки для костра.

Когда удобное и наиболее сухое место нашли и приготовили дрова, Шемяка принялся разводить огонь. Чиркал и чиркал кресалом, и даже смог разжечь кусочек трута, но огонь не занялся. Сырые ветки разгораться не желали. Шемяка шипел, ругался, перекладывал ветки, всовывал внутрь палочки посуше. Стоян советовал по-другому разложить щепки, но всё равно ничего не получалось. Они тихо переругивались и каждый норовил сделать по-своему. Огонь не горел и даже дымок не курился.

Бажен сидел в сторонке на поваленном бурей дубе, а Булат стоял, сложив на груди руки, и наблюдал за перебранкой братьев.

– А сделай вот так...

– А вот возьми и сам сделай!

– А вот и сделаю!

Потом шипел и ругался Стоян, а Шемяка делал ехидные замечания. Волхв молча смотрел на них, а когда надоело слушать препирательства братьев, сказал:

– Ох, олухи с глазами подбитыми! У вас фингалы вон как светятся, могли бы ими пол-леса подпалить. Ну-ка отойдите от костерка. Малец, покидай побольше дров.

Бажен соскочил со ствола и кинул в кучу все ветки, какие они со Стояном собрали.

– Отойди-ка ты тоже подальше! – сказал Булат.

Волхв посмотрел в тёмное небо, затянутое тучами и поднял руки над головой. Сказал несколько слов на незнакомом

языке и резко опустил обе руки, направив ладони в сторону сложенных веток. Ничего не изменилось.

Булат снова обратил лицо к небу, воздел над собой руки и прокричал своё заклинание. Где-то вдалеке сверкнула молния, громыхнул гром и всё стихло.

Старец повторил действие в третий раз, и тогда сверкнуло по-настоящему. В тот миг, когда он направил руки на ветки, с неба ударила молния и попала в сложенную дровяную гору. Шарахнул по ушам гром, да так громко, что Бажен едва не оглох. Мгновение спустя весёлое пламя уже облизывало сырые ветки. Как дрова не разметало по всей поляне, одному Перуну известно.

– Теперь и обсушиться можно! – сказал Шемяка, подходя к пылающему вовсю огню.

Они сидели у костра, парни с волхвом пили медовуху, Бажен воду из родника, ели холодное мясо и хлеб, который Стоян захватил в постоялом дворе. Уютное тепло костерка всегда расслабляло Бажена, вот и сейчас он сидел, прислонившись спиной к Шемяке, и будто находился в другом месте, там, где он провёл всю свою короткую жизнь.

Теперь Бажен понимал куда больше, чем вчера вечером. Он узнал, для чего волхв ездил в Ростов. И уж конечно, сейчас больше верил в силу древних богов. Он так много чудес увидел за один день. Раньше людей запугивали – не делай того и этого, Перун молнией шандарахнет, – и сейчас он знал, что это не пустые слова. Уж шарахнет как следует, мало не

покажется!

Сегодня Бажен убедился в том, что волхв Булат – сильный колдун. Этакая силища, можно всех врагов побороть! Прав старик – нельзя капища сжигать, народ русский силы Перуновой лишать. Неужели князь такой простой истины не разумеет?

Они закончили есть, когда вдалеке глухо застучали, зачавкали по грязи копыта.

– А я предупреждал вас, олухи багородные, что на неприятность нарвётесь, – сказал Булат, поднимаясь на ноги.

– Это они? – спросил Шемяка.

– А кто же ещё? Они, родимые. Да не двое, а поболе.

– Драться будем? – сказал Стоян, в голосе его сквозила радость битвы.

– Не вздумайте, даже! – резко ответил Булат. – Договориться попытаемся.

– Не захотят же. Упёртые, – Шемяка потянул за рукоять меча, проверяя, легко ли выходило лезвие из ножен.

– Ага! Упёртые! – Стоян прикоснулся ладонью к подбитому глазу.

Булат подтолкнул Бажена в спину.

– Давай, малец, за деревья уйди, а то ненароком зашибём.

– А может... – Бажен выдернул из ножен подаренный Всемилом нож.

Шемяка рассмеялся, стал ржать, как конь, Стоян.

– Против мечей ножиком? – спросил Булат. – Можешь

кулачками промахать ещё для устрашения. Иди, скройся с глаз, сказано же!

Бажен подчинился. Уже давно начался вечер, в лесу потемнело. Поляна освещалась горящим костром. Мальчик отошёл, как и велел волхв, и спрятался за толстым стволом дуба. С тропы раздался крик:

– Вот они, здесь!

– Эх, олухи вы мои, – сказал братьям Булат. – Умерщвлять нельзя, плашмя бейте, коли до драки дойдёт!

Дзенькнул меч волхва, выходя из ножен.

Бажен высунулся из-за дерева. Четверо всадников, спешившись, тоже обнажили мечи.

– Вот эти двое! – снова тот же голос. – Старика там не было.

– Его тоже валите!

– В тереме малой был, ищите его тоже!

– С чем пожаловали, гости дорогие? – громко спросил Булат.

– Поквитаться с твоими сученышами, дед.

– Почто зло на парней держите?

– Ты ли не знаешь, старче? Или тебе не рассказывали?

– Не держи зла, уходи по-хорошему, с миром.

– Ты-то дед, почему за них говоришь, пускай сами скажут.

– А что нам говорить? – спросил Шемяка. – Мы зла не творили. А что по ушам настучали, то за дело! Так и сами тоже немало получили.

– А знаете, на кого руки подняли?

– Знаем. Но не сразу узнали. Иначе бы не полезли.

– Так за это наказаны будете.

– За то, что бабу от насильников спасли?

– А за это лучше помолчи. Держи! На! На!

Дальше всё слилось в серую кучу, мечи сверкали, раскидывая вокруг отблески костра. Звенело железо, кричали пришлые люди.

Мальчик всё ждал, что волхв поразит напавших молнией, или влупит, как давеча медведю. Но никакого волшебства не происходило, толпа взрослых мужиков продолжали материться и бить друг друга мечами.

– Плашмя, я сказал!

– Да как получается!

– Деда, деда отсекайте от них!

– Я вот вам сейчас отсеку кой-чего!

Под натиском Булата и двух братьев четвёрка нападавших откатила назад.

– Парни, в последний раз говорю, с добром уходите, – сказал волхв спокойным голосом. – Зла мы на вас не держим и вы на нас не держи'те. Убивать мы вас не хотим и не станем, хотим разойтись с миром.

В стане противника начались переговоры и шли они недолго. На робкое «...а может» был резкий ответ – «нет!». Несколько мгновений стояла тишина, но четвёрка снова напала на волхва с подручными. Опять зазвенело железо, над

поляной то и дело раздавалось крепкое русское словечко.

– Бей волхва!

– Плашмя, плашмя я сказал!

– Бей!

– Отжимай к краю поляны!

Булат изловчился и ударил непрошенного гостя. Один вывалился из дерущейся толпы и повалился на спину.

– Не хотите по добру, получай по лбу! – это голос Шемяки.

– И в ухо! – а это Стоян.

– В жбан, и дело с концом! – заключил волхв и в этот миг из кучи выпал ещё один.

С двоими оставшимися совладать получилось легче. Ещё два-три мгновения – и стычка прекратилась.

Над поляной повисла тишина. Голос Булата возвестил:

– Ну всё, соколики, долетались. Домой пешком пойдёте, – и выкрикнул: – Малец, выходи, пошли битых грузить.

Бажен выглянул из-за дуба.

Поверженный непрошенный гость застонал и сел, ошупывая голову.

– Помогите витязю подняться! – сказал Булат, и Шемяка со Стояном бросились выполнять приказ волхва.

Бажен тоже оказался рядом и помог братьям привести в чувство и усадить битых витязей на коней. Биты они были не очень сильно, но всё-таки весьма чувствительно. Били без ущерба для здоровья. Шишки на головах заживут. Авось, да-

же умнее станут, как сказал Булат.

– Не вождедели мы крови, – сказал волхв, стоя перед всадниками, пьяно покачивающимися в сёдлах. – И вам не след хотеть этого. С миром вас отпускаем. И надеемся, что вы с миром уйдёте, без злобы.

Во взглядах всадников Бажен не прочитал ни капли понимания, – холодная злоба светилась в глазах. Такие не прощают обид, это и ребёнок понял. Так зачем же волхв отпускает их? Они же постараются досадить Булату.

Когда всадники выехали с поляны на дорогу, и глухое чавканье копыт растаяло вдалеке, Бажен спросил Булата, почему не убили этих витязей-разбойников. И зачем молнией не ударил, коли умеет?

– Не всё так просто, малец, – сказал старый волхв. – Убивать нельзя по той причине, что я не знал, а что если с ведома князя за нами ехали? Что тогда скажешь, когда Василько спросит – «А где мои люди?». И весь мой труд тогда насмарку пойдёт.

– А молнию почему не попросил?

– Да разве ж Перун против своего, против славянина, пойдёт? Нет, это наши, людские распри, и мы должны сами разбирать в них, без божьей помощи.

Булат прошёлся по поляне и спросил братьев:

– Ну как, здесь останемся, или дальше пойдём?

– А как ночью опять гости пожалуют? – ответил Шемяка. – Нет уж, давайте-ка лучше дальше уйдём, а за полночь

и остановимся.

– Ага, здоровое рассуждение! – добавил Стоян.

– Так тому и быть, олухи вы мои благородные! Гасите костёр! Едем дальше!

В монастырь ехали несколько дней. Находился он в глухом лесу к югу от Ростова и к востоку от Сары. Он располагался на западной окраине болота и в случае нападения врагов с юга и востока топи надёжно защищали монахов. А с запада никого не ждали, свои там, русичи.

Крепостью монастырь не считался, и в случае чего долгой осады бы не выдержал. Но кто станет нападать на волхвов? Дубовый частокोल защитит от разбойников, но не от целого войска.

В монастыре Бажену показали тёмную спальню, где он будет жить и, накормив ужином, отправили отдыхать.

Спал долго – сказалось длинное путешествие, мальчик устал. Проснулся, когда солнце стояло в зените. При свете дня оказалось, что спальня не такая уж и тёмная – солнечные лучи освещали сквозь несколько волоковых щелей несколько лавок, стоявших вдоль стены. Бажен оказался здесь не единственным обитателем.

Бажена не трогали, дали выспаться. Когда поднялся, ощутил, как болят ноги и спина. Ещё бы! Никогда так много не ездил верхом. Самое далеко – это до леса и обратно.

Дверь открылась, и в спальню зашёл Стоян.

– Проснулся? Живой? Ну тогда пошли, поедим. А там и начнёшь постигать Перунову науку.

– Что? Так сразу учить начнёте? – спросил мальчик.

– А чего, смотреть на тебя, что ли? – усмехнулся Стоян. –

Враз волхвом станешь.

– А ты волхв, что ли? – осмелев, спросил Бажен.

– Я? Нет! И брательник мой тоже не вохв. Булат вот, да несколько пацанят.

– Дети? – удивился Бажен. – А вы, что же?

– В нас кровь не та течёт.

– А во мне та?

– Да, ты волхвом станешь, а мне не быть. Разные мы люди.

Пошли!

Обедали в большой светлице. Посреди стоял крепкий дубовый стол от стены до стены и лавки с обеих сторон. Народу было не очень много. Трое ребятешек чуть постарше Бажена сидели на одной стороне, в середине Булат, а по краям Шемяка и Стоян. Двое парней лет восемнадцати стояли у входа, скрестив руки на груди.

Обедать начали, когда Булат дал на то разрешение. Ели молча, над столом стоял стук деревянных ложек и сопение ребят. Бажен сразу отметил строгость – это тебе не деревенский обед, где крестьяне набивали рот и переговаривались.

После обеда всех ребят собрали во дворе и посадили на траве, у колодца. Вместе с Баженом их было четверо. Ещё четверо – Шемяка со Стояном, и двое молодых парней рас-

селись по обе стороны.

Булат вышел из сеней и присел на край колодца перед ребятами.

– Теперь, ребятки, вас стало на одного больше. Сегодня вы с Баженом познакомитесь, а сейчас вам нужно позаниматься. Бажен, ты уже немного умеешь, так что достань свою дудку.

Мальчик открыл суму на поясе и вытащил свирель.

– Сыграй нам, как ты играл.

Бажен прислушался к щебету синицы. Взял свирельку и стал тихонько наигрывать. Синица вступила в разговор. Он ответил птичке. И опять она подпела. Мальчик мог подолгу поддерживать этот разговор, любил он такие беседы.

– Достаточно, – сказал Булат. – Есть куда силу вкладывать. Твои новые товарищи тоже умеют многое. У каждого есть умение, которое открыто для силы волховской. Но для начала я должен сказать вот что. Другие ребята уже знают, не первый день здесь живут.

Булат поднялся с края колодца и прошёлся перед мальчиками.

– Начну с того, что наш мир не ограничивается тем, что мы видим вокруг. Есть ещё многое другое, невидимое взгляду. И это очень важно для всех нас, для всех людей, которые живут на Земле. Не для нас одних, русичей, но и для других тоже. И всё это незримое могут видеть лишь волхвы. И вы тоже научитесь.

– И молнии научимся? – спросил Бажен. – Чудо!

– И молнии. Но молнии и многое другое – это не самое главное. Это как если бы портной шил сапоги, а остатки кожи – это и есть эти молнии. А сапоги – это и есть то, самое важное, невидимое.

– А что это? И как это увидеть?

– Ты видишь по ночам сны? – спросил Булат.

– А как же, – ответил Бажен, – есть такое чудо!

– Это и есть оно. Но кто-то спит и видит сны, а кто-то может участвовать в них. Вот таких детей мы и нашли.

– А зачем?

– Это очень сложный вопрос. Всё, что творится вокруг нас, происходит не просто так. У всего есть причины. Половцы нападали на нас не только потому, что мечтали грабить. Их толкало то самое, незримое.

– А причём тут мои сны?

– Когда ты спишь, то это не обычные сны тебе снятся. Ты на самом деле оказываешься в другом месте. Там тоже земля, но иная. И всё у нас зависит от того, как там идут дела. Если там плохо, то и здесь хорошего не увидишь.

– А там, на той земле, во сне... война бывает?

– Бывает. Когда у нас война, то и там тоже. И если хочешь добиться мира здесь, то сначала надо навести порядок там.

– А как это? Во сне?

– Во сне. Но не сейчас. Вам ещё подрасти надо. Пока и без вас есть, кому порядок поддерживать.

Булат велел ребятам заниматься, повторять вчерашние

упражнения. Закрыв глаза мальчики молча сидели и, кажется, даже дышать перестали. Волхв подозвал Бажена и усадил рядом с собой на край колодца.

– Я сейчас твои силы получше проверю, раньше на это времени не хватало. Ты, не бойсь, тебе будет неприятно, но держись. Это недолго. Хорошо?

Мальчик кивнул. Тогда волхв положил руку ему на голову и велел закрыть глаза. Сначала Бажен не ощущал ничего, но после голова слегка закружилась. Мальчик качнулся, но Булат удержал его другой рукой, иначе свалился бы в колодец. Голова кружиться перестала, после чего показалось, что череп размяк и пальцы волхва ковыряются во внутренностях головы, переставляют местами мысли, вырывают и выбрасывают ненужное, а нужное вкладывают. Перед закрытыми глазами стали появляться образы – то погибший отец, то мать, то Всемир. Недавно виденный Ростов, княжеский пир, князь Василько предупреждает Булата: «Если я узнаю, что волхвы по деревням ходят и народ мутят против веры нашей православной, в тот же день приказ дам уничтожить остатки капищ и всех волхвов».

Волхв вытащил пальцы из головы Бажена, и череп снова стал твёрдым. Мелькание перед глазами прекратилось. Мальчик открыл глаза. Не знал, показалось ли это, или Булат в самом деле копался в его черепушке. Голова побаливала и немного подташнивало.

– Иди на место, – сказал волхв. – Сейчас ты вместе с

остальными продолжишь заниматься.

Ноги стали, как тряпки, и Бажен еле добрался до места между двумя мальчишками, сидевшими с закрытыми глазами. В голове стоял туман, сил никаких не оставалось, будто целый день работал на покосе вместе со взрослыми. Сел, вернее, упал, не понимая, что с ним сейчас было.

– Закрой глаза, Бажен, и попытайся представить свой дом.

Дома мальчик представить не смог, зато перед взором встало поле, а за ним лес. Мужики с косами стояли в ряд и слаженно работали. Бажен даже разглядел лицо Вячко. Голова болеть перестала, и даже силёнок прибавилось.

– Достаточно! – сказал Булат, и Бажен открыл глаза.

Рядом закопошились мальчишки.

– Сейчас немного отдохните, встретимся на заднем дворе.

Можете пока с Баженом познакомиться.

Волхв поднялся и вошёл в дом, удивительно молчаливый Шемяка – за ним, последним ушёл Стоян. С ребятами остались двое молодых парней для пригляда. Мальчик рядом с Баженом спросил:

– Ты откуда?

– С Полянки я.

– С какой ещё полянки?

– Деревня наша так называется.

– А. А я с Владимира.

– Так далеко? Вот так чудо!

– Ха, далеко! А Васятка вон, вообще из Киева! Ну ладно,

пошли я тебе чего покажу! Меня Нежданом звать.

– А я Бажен.

Мальчишки поднялись на ноги, и Неждан потянул Бажена к частоколу. Брёвна в некоторых местах стояли неплотно и Неждан прильнул к щели, оторвался и дал посмотреть Бажену.

– Что там? – спросил Бажен.

– Нелюдь, – ответил Неждан. – Их ещё сумраками зовут.

– Кто это?

– Ну, как люди, однако не люди. Вокруг бродят, от прищельцов нас охраняют.

Бажен посмотрел в щель, но ничего, кроме далёких деревьев, там не было.

– Не видно.

– Так сейчас и нету, ночью из болот выходят.

– А чего я смотрю тогда? Ночью и посмотрим. А кто это такие?

– Не знаю. Волхвы их сделали. Или позвали откуда-то. За место ночной стражи. Страшные – жуть! Высокие, худющие. Одеты не по-нашему, в руках мечи, тонкие, длинные. А руки корявые, как ветви.

– Бреешь, поди!

– Нет, ночью сам увидишь!

До вечера занимались, волхв снова заставлял делать различные упражнения. Дети то сидели с закрытыми глазами, вспоминая прожитые мгновенья жизни, приятные и не

очень, то повторяли про себя слова на странном языке, которые, вероятнее всего, были молитвой или заклинанием.

Бажен узнал, что остальные мальчики так же обладали разными свойствами. Если он научился своей свирелькой оживлять цветочки, а может быть, и не только цветочки, и даже не токмо к жизни возвращать, то, как оказалось, Неждан умел взглядом успокаивать людей и животных, иных даже навсегда. Теперь Бажен начинал понимать, что Булат взял с собой неспроста, не из жалости. Знал, что в мальчике кроется та сила, что и в нём самом есть. Сила Перуна, как определил Бажен.

Васятка мог поднимать и передвигать вещи, не притрагиваясь руками, и вечером показывал своё умение Бажену. Страшно было смотреть на площадку, что покачивалась над столом.

Остальные ребята чудес не показывали, но и без того понятно, что умеют многое. Молний не метали, но Андрейка умел не дышать долгое время, так долго, что ни один человек не выдержит, а Глеб мог слушать и понимать язык животных. Бажен Глебу позавидовал и мечтал выйти с ним в лес и поговорить с живностью с помощью этого толмача.

Когда стемнело и все легли спать, Неждан подкрался к Бажену и толкнул товарища.

– Пошли, нелюдей-сумраков покажу. Токмо тише, чтоб нас не заметили.

Они осторожно обошли Шемяку, прикорнувшего на крыльце, и двинули к частоколу.

– А чего здесь в щели увидишь? – прошептал Бажен. – Темно же.

– А мы на вышку полезем, сейчас там никого нет.

– Ха, вышка. В Ростове знашь какие огромные. А тут так, не вышка, а так, вышечка.

– Ладно, молчи, пойдём.

В месте, где две стены образуют угол, стояла невысокая вышка со смотровой площадкой. Деревянные ступени предательски скрипели, когда ребята поднимались. Наверху они остановились на самом краю, облокотились о перекладину и стали смотреть в темноту. Неждан взял заготовленный пламенный из куска промасленной тряпки, намотанной на толстую ветку, и поджёг его кресалом. Здесь, на смотровой вышке, было несколько таких заготовок для ночного бдения.

– И где твои нелюди? – спросил Бажен.

– Увидишь.

Со стороны болот показались тёмные высокие фигуры.

– Видишь? – прошептал Неждан.

– Ага. Чудо-юдо страхолюдное!

– Это нелюди. Сумраки. Я не знаю, откуда они появляются. Днём их не бывает никогда, по ночам выходят.

Тёмные фигуры приблизились к стене и разделились да направились в разные стороны. В свете пламенника Бажен разглядел, что нелюди были одеты в рванину и помятые в битвах ржавые доспехи. В ножнах покоились мечи, тонкие и длинные, почти до земли.

Нелюди исчезли из виду.

– А чего они тут делают? – тихо спросил Бажен.

– Я ж говорил. Нас охраняют. Стража это.

– На фига такая стража нужна? И не уснёшь теперь от страха.

«Стражники» обошли частокол вокруг и встретились под смотровой вышкой. Задрав головы, посмотрели на мальчиков. Взгляды их были пусты, как у мертвецов, а лица белыми, как снег. Они постояли немного и снова разошлись.

– Видал? – торжествующе произнёс Неждан. – Страшные какие!

– И долго так шасьт будут?

– До утра! Как петухи проснутся, так в болото и уйдут!

– А если выйти туда? – Бажен указал рукой на болото.

– Нельзя. Не выходим мы ночами за забор. Убьют! Мечи вон какие длинные.

– Как же убьют? Если волхв на стражу призвал, разве ста-

нут они нас убивать?

– Ну не знаю. Хочешь проверить – выходи. А я отсюда посмотрю. Они всех, кого за забором встретят, принимают за врага. Никого к монастырю не подпустят, ни чужих, ни своих. И никого не выпустят. Нам ночью запрещают выходить за ворота. Был один случай, нового, ну прям как тебя, привели. А он ночью удрать захотел.

– Удрал?

– Удрал. Но недалеко. Разорвали его сумраки и унесли в болото.

– Страх-то какой!

Нелюди сделали ещё один круг и снова, постояв мгновение, разминулись, при каждом шаге мерно стучая мечами по сапогам.

– А где живут страшили эти, в болоте? – спросил Бажен, следя за сумраками.

– Из болота приходят и уходят туда. Но живут не там. Днями мы с ребятами там лазали, всё исходили, нет там никого, – Неждан показал, где они шастали с товарищами. – Разве что из самой топи вылезают.

– Может, это утопленники? – ужаснулся Бажен.

– Мы тоже так думали. Но нет. Сумраки оттуда... из сна!

– Из сна?

– Помнишь, волхв говорил, что мы видим не такие сны, как другие?

– Угу.

– Вот! Я встречал там сумраков. Видел их во снах.

– Вот чудо какое страшное! А во двор они не могут залезть? – Бажену стало зябко от этой мысли. – Мне уже как-то и спускаться с вышки боязно.

Внизу скрипнула лестница, и у Бажена душа ушла в пятки. Он схватил за плечо Неждана и прижался к перекладине, готовый сигануть вниз. Детское воображение нарисовало страшную тварь с корявыми руками. Он уже приготовился прыгнуть через ограду во двор, когда раздался голос:

– Вы чего это не спите, олухи? Пошто пламенник запалили?

Над площадкой показалась седая голова Булата. Бажен едва не проглотил язык от страха, Неждан тоже перепугался.

– Там, это... нелюди... – пробормотал Бажен.

– Бегом спать!

Мальчики один за одним быстро нырнули вниз и несколько мгновений спустя уже лежали на своих лавках. Уснуть удалось не сразу. Бажен знал одно – навряд ли ему ещё раз захочется посмотреть на нелюдей.

У спящих ребят Бажен заметил одинаковые обереги на серебряных цепях. Такой же был и у Неждана. Утром Бажен спросил нового товарища о странных оберегах.

– А, эти... – Неждан вытащил из-под рубахи оберег. – У старого тоже такой есть. Сонники это.

– Сонники?

В разговор вступил Васятка.

– Ну да. Но это не обереги, хоть мы так и называем. С ними мы во сне, как это... ну, в другом месте оказываемся. Ну, долго рассказывать. Там место не такое, как здесь. Волхв рассказывал же. Надеваем сонники и все вместе оказываемся в одном сне. А там – война.

– Война? – переспросил Бажен.

– Ага, – в один голос сказали Васятка и Неждан.

– И проиграть никто не должен, – добавил Неждан.

– Почему?

– Ну, как это... – Неждан покачал перед собой раскрытые ладони, то одну вверх задерёт, то другую, будто что-то взвешивает. – Равновесие.

– Если кто-нибудь там побеждает, у нас война может начаться, – дополнил Васятка.

– И мы должны равновесие держать, – заключил Неждан, убрав руки за спину.

– А как?

– В битвах, – сказал Неждан. – И не только.

– Но мы пока учимся, смотрим, знания копим, – Васятка пристукнул себя по голове, как бы показывая, куда складывают знания.

– Взрослые там, во сне-то. А мы так, в стороне, ученики, – заметил Неждан.

– А мне дадут этот оберег, ну, сонник? – спросил Бажен.

– Дадут, – ответил Неждан.

– Конечно, дадут! – Васятка хлопнул Бажена по плечу. –

Ты тоже с нами.

Они занимались до вечера. Часто волхв заставлял ребят делать непонятное – то с закрытыми глазами сидеть, то представлять разные вещи, вспоминать старое и забытое. Отпустив ребят отдыхать, Булат подозвал Бажена.

– Вот, надень на шею, да под рубаху спрячь. Сонник это.

– Оберег?

– Ну, можно и так назвать. Но, скорей, наоборот. Ты скажи мне, зачем вчера на вышку попёрлись.

– Поглядеть на нелюдей, чудо-юдо невиданное.

– Поглядели? Чтоб больше тебя там не было! За частокол не замыслили идти?

– Нет. Неждан говорит, что нельзя туда ночью. Кто это такие?

– Нелюди. Сумраками ещё их кличут, потому что из сумрака они, мрачные и тёмные твари. Защищают нас, но разницы в людях не видят. Появись там ты, и от тебя нас защитят, убьют и сожрут. Появись я, то же самое случится. Ну ладно. По поводу сонника – уснёшь, не удивляйся.

– Мне Неждан рассказывал.

– Уже лучше. Никуда не лезь, смотри и учись. Сон тебе сегодня приснится. Так ты постарайся в нём не пораниться. Это такой сон, что если тебе там кровь пустят, то и наяву тело кровью изойдёт.

– А коли убьют?

– Не убьют, сонник не позволит, разбудит тебя. Хотя бы-

вали случаи, что витязи сонные погибали во сне.

– А кто это такие, витязи сонные?

– Это я. И ты таким станешь. Заменой мне будешь, а то ведь я остался один.

– Значит, много витязей во сне умерло?

– Много, но больше от старости. Главное, ты во сне не бойся. Хотя и называют сон младшим братом смерти, но бояться её нет причин, ежели не соваться никуда.

Уже лёжа на лавке, Бажен ощутил, как нагрелся сонник. Тепло это было приятным. В другое время напугало бы, но мальчик был на грани сна и яви.

Он уснул и... сразу проснулся. Но проснулся в другом месте. Частью своего детского сознания понимал, что это сон. Но такими натуральными сны ещё никогда не бывали.

Бажен стоял посреди огромной, до края земли, степи. Рядом никого, но вдалеке он заметил неясное движение. Там кто-то шёл. Бажен разглядел Неждана. Как он мог оказаться в этом сне, Бажен не понимал, да и не размышлял об этом. Одному в этом мире неуютно, а вдвоём – можно жить.

– Неждан! – позвал он и побежал к товарищу.

И тут заметил, что Неждан за кем-то следит.

– Тихо, – прошептал Неждан. – Смотри.

Огромная рать стояла вдалеке.

– Кто это?

– Враг. А сейчас наши пойдут.

Будто из ниоткуда стали вываливаться конники и скакать мимо Бажена и Неждана. Но на «наших» они совсем не походили. И люди, и кони одеты в тяжёлую броню, одни в руках держали копья, у других мечи. Это не русичи! Как мог Неждан называть их «нашими»?

Воины продолжали выпрыгивать из воздуха и волной накатывать на вражескую рать. Лязгало железо, кони тяжело ступали по земле.

– Задавят нас! – съёжился Бажен. – Чуды-юды страшные!

– Они нас не видят. А вон, смотри, наш волхв!

Мимо на вороном коне пролетел Булат. Обнажив меч, старик бросился в бой.

Лязг и скрежет железа, крики – пролилась первая кровь. Бажен подался вперёд, но Неждан схватил товарища за рукав.

– Куда ты? Нам нельзя, нам лишь смотреть разрешают. Рано нам...

Бажен остановился. Шум впереди не утихал. Люди кричали – кто-то в ярости, кто-то от боли. И лилась кровь. Целая река крови.

Внезапно они оказались в самой середине битвы. Искривлённые лица воинов, злые глаза Булата. Старик кричал, рубил мечом налево-направо, а враги падали, разрубленные наискосок от плеча. Бажен никогда не видел так много уби-

тых. Лишь раз он встречался со смертью, когда отца задрал медведь. А тут люди падали мёртвыми один за одним. «Наши» воины будто косари, работали мечами, собирая страшную жатву.

«Знатный урожай Перун соберёт», – мелькнуло в голове мальчика. Он не выдержал ужасного зрелища, вид льющейся крови перевернул весь желудок, и его вырвало.

А потом он ещё раз проснулся. На этот раз по-настоящему. Но теперь уже и не поймёшь – где «по-настоящему», здесь или там? Или и здесь, и там? А то и нигде?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.